

Менькова Инна Геннадиевна

*научный сотрудник отдела новейшей истории Русской Православной Церкви,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет*

Адрес: 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, 23Б

E-mail: mig2016@inbox.ru

К вопросу о канонизации иерея Михаила Критского, священника Троицкой церкви села Автодеево Нижегородской губернии

DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10030

Семнадцать лет тому назад рассмотрению Синодальной комиссии по канонизации святых было предложено жизнеописание священника Михаила Критского, застреленного конвоиром. Но, поскольку существует версия, согласно которой священник пытался бежать, отец Михаил был признан самоубийцей и к лику священномучеников не причислен. За следующие годы было собрано много материалов о его жизненном пути и кончине, восполняющих первоначальные сведения.

Отец Михаил принадлежал к роду потомственных сельских священников, которым хорошо известны были проблемы материального и духовного состояния крестьян. Видел он и то, как они сказывались на отношении народа к Церкви, знал, что духовенство вело подчас нищенское существование. Все это не остановило Михаила в выборе жизненного пути. Приняв священный сан, призван он был к помощи этим самым очерствелым людям, теперь вверенным промыслом Божиим его духовному попечению. Человеком священник был горячим, до глубины сердца преданным Богу. Вместе со своими прихожанами отец Михаил пережил тяжелейшие периоды истории русского государства и Церкви начала XX в. Его самоотверженная пастырская забота о людях в обстановке духовного омертвления, ожесточения, а подчас агрессии, труды по выправлению нравственного состояния народа, воцерковлению отпавших прихожан были ежедневным подвигом. Государственные и церковные события скоро потребовали широкого участия священнослужителей в общественной жизни, и отец Михаил привлекался

к просветительской и противораскольнической деятельности, которую вел с немалым успехом. Священник оказался талантливым проповедником. Избирался он и депутатом епархиальных съездов. Тогда впервые проявились его духовные дары: способность предвидения будущих событий и ведение происходящего на недостижимом расстоянии, которые батюшка прикрывал некоторым юродством. Декрет советской власти об отделении Церкви от государства стал стимулом всероссийского церковного погрома. Имущество Церкви, лишенной прав юридического лица и, стало быть, всех гражданских прав, разграблялось, а духовенство уничтожалось самосудом. В этот период тяжело пострадали от безудержного и циничного самоуправства властей насельники Дивеевского монастыря, лишенные не только возможности воспользоваться плодами своих трудов, но хлеба и воды. Отец Михаил не мог остаться безучастным. Сам будучи нищим, он собирал по селам милостыню для сестер, за что был арестован, а после второго заключения застрелен конвоиром по пути следования. В статье использованы материалы Государственного архива РФ, нижегородских архивов, исторических и краеведческих работ, а также личного архива иерея Георгия Павловича*.

Ключевые слова: православие, политические репрессии, Дивеево, Автодеево, Большой террор, церковно-государственные отношения

---

* Работа выполнена при содействии и редакции иерея Георгия Павловича, которому автор приносит глубокую благодарность.

Inna G. Menkova

Researcher, Department of Contemporary History of the Russian Orthodox Church, St. Tikhon Orthodox University

Address: 23B Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia

E-mail: mig2016@inbox.ru

On the question of canonization of priest Mikhail Kritskiy, priest of the Trinity Church in the village of Avtodeevo, Nizhny Novgorod province

DOI: 10.24411/2587-9316-2020-10030

Seventeen years ago, the consideration of the Synodal Commission for the Canonization of Saints was offered a biography of the priest Michael Kritskiy, who was shot by a guard. But since there is a version according to which the priest tried to escape, Father Michael was declared a suicide and was not numbered among the holy martyrs. Over the following years, a lot of materials were collected about his life path and death, completing the initial information. Father Mikhail belonged to the family of hereditary rural priests, who were well aware of the problems of the material and spiritual condition of the peasants. He also saw how they affected the attitude of the people to the Church, he knew that the clergy led at times a beggarly existence. All this did not stop Mikhail from choosing the path of life. Having assumed the priesthood, he was called to help these very hardened people, now entrusted by the Providence of God to his spiritual care. The priest was an ardent man, faithful to God to the depths of his heart. Together with his parishioners, Father Mikhail went through the most difficult periods in the history of the Russian state and the Church at the beginning of the 20th century. His selfless pastoral care for people in an atmosphere of spiritual mortification, bitterness, and sometimes aggression, his labors to improve the moral state of the people and the churching of fallen parishioners were a daily feat. State and church events soon demanded a wide participation of the clergy in public life, and Fr. Mikhail was involved in educational and anti-schismatic activities, which he conducted with considerable success. The priest turned out to be a talented preacher. He was also elected a deputy of diocesan congresses. Then, for

the first time, his spiritual gifts manifested themselves: the ability to foresee future events and control what was happening at an unattainable distance, which the priest covered with some foolishness. The decree of the Soviet government on the separation of church from state became an incentive for an all-Russian church pogrom. The property of the Church, deprived of the rights of a legal entity and, consequently, of all civil rights, was plundered, and the clergy were destroyed by lynching. During this period, the inhabitants of the Diveyevo Monastery, deprived of the opportunity not only to use the fruits of their labors, but also bread and water, suffered greatly from the unrestrained and cynical arbitrariness of the authorities. Father Michael could not remain indifferent. Being a beggar himself, he collected alms for the sisters in the villages, for which he was arrested, and after the second imprisonment he was shot by a guard along the way. The article uses materials from the State Archives of the Russian Federation, Nizhny Novgorod archives, historical and local history works, as well as the personal archive of Priest Georgy Pavlovich*

Keywords: Orthodoxy, political repression, Diveevo, Avtodeevo, Great terror, church-state relations

---

* The research was carried out with the assistance and editing of Priest Georgy Pavlovich, to whom the author deeply thanks.

Отчизна

Ардатовский уезд, Автодеево: история, храм, священнослужители

*Но темной старины заветные преданья
не шевелят во мне отрадного мечтанья.*

М.Ю. Лермонтов

Как и вся среднерусская равнина, территория Нижегородской губернии с древности была покрыта лесами, под покровом которых в обилии текли речки и ручейки, журчали родники, недвижимыми зеркалами поблескивали озера...

Издравле проживавшая здесь мордва промышляла охотой на медведя, куницу, белку, бобра, которые водились в Ардатовском крае в несметном количестве. Другим богатством лесов был мед диких пчел. Сбор его — бортничество — на протяжении веков был традиционным занятием местных жителей. Лесные «пчелы жили в бортеях — естественных или специально выдолбленных дуплах деревьев. Меда они приносили так много, что иностранный путешественник, познакомившись с этим промыслом, записал: "у мордвы в лесу мед обильно сочится из утроб сосен, а медведи, привлекаемые сладостью, лезут ради добычи вкусной на дерево, невзирая на укусы пчел и страх перед человеком"» [Никольский скит... Л. 1].

О бортничестве сохранилось упоминание в грамоте 1616 г. Арзамасских поместных актов: «А лес темной, мордовской бортной ухожей... И ему, Ивану (Левашову), всякия угоды на дрова и на хоромы велени сечи людям своим и крестьянам в мордовских бортных ухожеях опричь (кроме) бортного дельнаго дерева» [Смутное время Московского государства, 1915].

В этих же документах содержатся самые ранние сведения о поселении на месте современного Автодеева. В древности здесь была мордовская деревня Офтодеевая. Это название, видимо, происходит от языческого имени Офтодей, имеющего мордовский корень «офто», что значит «медведь», а название деревни — Медвежья. Так что когда-то это был настоящий медвежий угол. Смысл слова забывался, и в дальнейшем село называлось Афтодеево, Антадеево, Никольское-Афтодеево тож, Автодеево.

Как и вся территория Ардатовского уезда, село изначально принадлежало дворцовому ведомству, и крестьяне в нем были государевы. И спокойно бы жили люди на Нижегородской земле, но при Иване Грозном началась щедрая раздача имений дворцового ведомства дворянам и дворянским детям за государеву службу и продолжалась весь XVII век. Автодеево же оставалось в государственном ведении.

Край стал пополняться русскими крестьянами, переселенцами из центральных областей России. Его освоению сопутствовало распространение христианства в среде коренного языческого населения — мордвы. 12 марта 1681 г. деревянную церковь Николая Чудотворца «построили новокрещенцы Терешка Васильев и Володька Афанасьев с товарищи в государев дворцовой деревне Офтадееве» [Материалы для истории церквей Нижегородской епархии, 1902]. С этого года Офтодеево значитса селом. Первую церковь строила мордва. Видимо, русского населения в этой деревне тогда совсем или почти не было.

Спустя полвека, в 1730 г., теперь уже церковный староста Андрей Гаврилов подал прошение о постройке новой деревянной церкви вместо прежде обветшавшей. В 1732 г. новый храм освятили [там же].

Именитые хозяева имений проживали в Москве или Петербурге, в свои отдаленные владения не заглядывали. Вотчины служили источниками средств существования. Значительный доход приносило им производство поташа, начатое еще в XVII в. воспитателем и советником царя Алексея Михайловича, крупнейшим землевладельцем своего времени боярином Борисом Ивановичем Морозовым. Ему принадлежали село Кужендеево, что в трех километрах от Автодеева, и разные земли в Нижегородской губернии.

«В своих имениях он организовал промышленное производство поташа — специальной смолы, которая использовалась при производстве мыла, пороха и хрусталя. Вековые деревья пережигали в золу; из нее готовили жидкое тесто, которым обмазывали сосновые или еловые поленья и зажигали сложенный из них костер. Пережженная, расплавленная таким образом зола и составляла новый ее вид — поташ. Из одного кубометра древесины получалось около полукилограмма поташа... Поташное производство было выгодным для Морозова, но уничтожало богатейшие леса южной части губернии, и в первую очередь знаменитые дубравы, дававшие лучшую по качеству продукцию» [Ардатовский край: настоящее и будущее, 2000. С. 16–17]. При Петре I поташ 30-пудовыми бочками вывозили в Европу.

Другим очень выгодным предприятием стала организация промышленного производства. В XVIII в. заработала первая суконная фабрика в имении графини С.А. Толстой. Ее примеру последовал Н. Демидов, построивший в деревне Туртапке канатную фабрику. В середине XIX в. к ним прибавились фаянсовая фабрика и стеклянный завод купеческих сыновей Михаила и Митрофана Ступицыных.

Начало металлургической промышленности в Ардатовском уезде положено было в двадцатых годах XVIII столетия. Тогда «муромские посадские люди Данило Железняков, Никифор, Федор и Кирил Мездряковы открыли железную руду около села Казнева, потом, идя вверх по течению Оки, увидели, что вся гора между этим селом и другим — Вьюшиным — на пространстве верст четырех содержит признаки хорошей железной руды. Продолжая путь свой, они продолжали и свои изыскания: пройдя село Дмитриевы Горы, муромцы переехали на правую сторону Оки, стали там производить новые изыскания и были вознаграждены за долговременные труды свои. На берегах реки Сноведи, впадающей в Оку, почти против села Дмитриевы Горы они нашли руду в таком количестве, что решились просить Берг-коллегию о дозволении им открыть здесь чугуноплавильный завод. В 1724 г., получив разрешение Берг-коллегии, они построили завод на речке Сноведи, в глуши муромских лесов. Железняков, вместе с товарищами, неумоимо занимался выплавкою чугуна, но вскоре должен был оставить свои начинания.

В то время в лесах муромских гнездились многочисленные шайки разбойников. Эти неподначальные удальцы беспрестанно нападали на новоустроенный завод, и потому Железняков и Мездряковы со своими рабочими нередко должны были выдерживать нештучные осады. Работая, они должны были держать в руках оружие. Но, несмотря на это, производство на заводе продолжалось до тех пор, пока один изменник рабочий не передал его разбойникам, которые, разграбив его, сожгли. Заводчики, истратившие на неудачное предприятие свои небольшие капиталы, не могли возобновить железное производство в муромских лесах.

Молва о вновь открытых железных рудниках ходила между тем по России, и хотя повсюду говорили о выгодах, которые можно получить от разработки железных руд муромских, однако судьба Железнякова и Мездряковых охлаждала самых решительных аферистов.

Наконец из Тулы вышли два оружейника, «сделавшиеся настоящими основателями железной промышленности на берегах Оки. Это были Андрей и Иван Родионовы Баташевы. Они отправились отыскивать железную руду в местах более безопасных, нежели берега Сноведи: пошли вверх по Оке и нашли то, что искали» [Пестов, 1869. С. 49–50]. По получении разрешения Берг-коллегии в 1713 г. они основали здесь завод Унженский.

В последующие годы братья Баташевы, которым было пожаловано свыше 100 тыс. десятин лесов, поставили в районе Выксы девять металлургических заводов, работавших на водяных двигателях. Сырьем служила местная руда, металл выплавлялся на древесном угле, что придавало ему отменное качество. В 1774 г. братья Шиповы основали Илевский металлургический завод. Последнее чугунолитейное предприятие поставил в 1753 г. гвардии поручик А.Н. Карамзин, сын знаменитого историографа Н.М. Карамзина. На приданое жены из рода князей Оболенских он построил металлургический завод, назвав его именем супруги — Ташиным (Наташиным) [Ардатовский край: настоящее и будущее, 2000. С. 1–18].

Для работы построенных предприятий необходим был лес. Одним только выксунским заводам потребно дров до 24 000 кубических сажень, кроме угля. А на фаянсовый завод дров выходило до 1600 сажень, и остальным предприятиям не меньше. В конце XVIII в. лес покрывал 67 процентов площади уезда, но запасы его сокращались. Частные владельцы сбывали леса свои, частью на бревна и топливо, частью на сдирку лыка и бересты, а оставшиеся пни на сидку¹ смолы [Пестов, 1869. С. 31].

Лес даже вывозили в другие губернии. «Ардатовский уезд, хотя и изрезан множеством небольших речек... и только две из них, по длине течения и как сплавные, выходят из общего уровня, это рр. Теша и Алатырь; первая по мелководию способна только в весеннее время для сплава леса, а последняя так невелика, что почти повсеместно удобопроходима вброд. Река Теша берет начало в нескольких верстах от г. Лукоянова и, пройдя уезды Лукояновский, Арзамасский, Ардатовский и Горбатовский, впадает в р. Оку, близ г. Муром Владимирской губернии, протекая по уезду до 50 верст. В полуозеро по ней сплавляется местными жителями строевой и дровяной лес» [там же. С. 3–4].

Столетиями нижегородские леса обеспечивали разнообразную деятельность живших здесь людей и расходовались неограниченно. Но об их возобновлении заботились мало, так что к середине XIX в. от дремучих лесов Нижегородского края осталось немного. Местность, на которой находятся церкви 2-го округа Ардатовского уезда, прежде богатая торговым и деревянным лесом, к 1895 г. почти не имела лесов, которые истреблены частью пожарами, а главное — чугуноплавильными и железоделательными заводами, которых в Ардатовском уезде до 10 и даже один в Автодеево [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1895. Ед. хр. 11. Л. 157].

Систематическое уничтожение лесов нарушает температурный и водный режим местности: из-за него усиливаются ветры, мелеют реки, заболачивается, а затем высыхает почва, снижается ее плодородие. В Нижегородской

¹ Так в тексте.

губернии в середине XIX в. продолжительные засухи и пожары, сильные ветры и мощные грозы стали частым явлением. Беда была крестьянину, когда на созревший на его полях хлеб найдет буря или град. А бывало, среди лета по деревням начинался и разносился ветром «великий пожар... истреблявший десятки домов, потом ужасная буря, угрожавшая опровержением домов... однажды такая буря даже задула и умертвила на пастбище несколько мелкого скота... и соединилась с сильным холодным дождем» [Миловский. Л. 47]. Пожары приносили страшные разрушения. Так, в 1860 г. в уезде сгорели 335 домов и одна церковь, в 1864 г. — 276 домов, в 1866-м — 259, на следующий год — 138 домов. Почти во все остальные годы пожары случались тоже, но истребляли «только» десятки домов [Пестов, 1869. С. 19].

Имена Нижегородского края по разным обстоятельствам одними хозяевами продавались, другими приобретались. Село Автодеево в 1797 г. пожаловано было из дворцовых земель царем Павлом I генерал-лейтенанту Г.А. Васильчикову. Но с 1802 г. оно находилось уже во владении помещиков Рахмановых. Этот старинный дворянский род, по одним данным, был основан выходцем из Орды Рахманом, по другим — ведет свое начало из Польши. В XVII в. Рахмановы служили стольниками, стряпчими и дворянами московскими. К началу XIX в. оно принадлежало генерал-майору Федору Михайловичу Рахманову, который в 25 лет уже командовал 3-й ротой батальона Его Императорского Величества, а в дальнейшем за свои заслуги перед Отечеством получил звание командора [Большая русская биографическая энциклопедия, 2008].

В 1806 г. Федор Михайлович² и его супруга Елисавета Яковлевна подали прошение на имя архиепископа Нижегородского и кавалера Вениамина (Краснопевкова-Румовского) о разрешении строительства на месте деревянной каменной церкви — в центре погоста, окруженного оградой, а за нею священно- и церковнослужительскими домами, — новой каменной церкви во имя Преображения Господня с приделами в честь своих небесных покровителей преп. Феодора Начертанного и свв. прав. Захарии и Елисаветы. Деревянную же церковь предлагалось перенести на кладбище, на отведенное место для погребения умерших. Осуществление их намерения стало и помощью приходу. Согласно сведениям Нижегородской духовной консистории, в Автодеево в 1790 г. числилось 343 души мужского пола и 352 души женского пола. А в приходе Троицкой церкви были еще деревни Теряевка, Клоповка и Михайловка. В те годы население росло, и за десять лет жителей в селе и деревнях стало еще больше. На службах в однопрестольном деревянном храме прихожанам становилось тесно.

В ответ на свой рапорт Св. синоду о прошении автодеевского помещика нижегородский владыка 9 августа того же, 1806, года сообщил указ Святейшего правительствующего синода о разрешении перенести состоящую при селе Николаевскую деревянную церковь на кладбище и выстроить на ее месте каменную, но «с тем, чтобы в той деревянной церкви до построения сей последней отправлять служение и требы, ибо, кроме нее, в том двухклирном селе Автодеево в приходе... другой церкви нет.

Представили, что как помянутая церковь, по освидетельствованию Ардамовского духовного правления и обще с тамошним земским судом, оказалось, находится ветхою только в одной главе и кровле, а в прочем во всем

² Скончался Федор Михайлович 78 лет в 1852 г., а супруга на десять лет раньше: 2 июня 1843 г. Так что до полного завершения строительства Троицкой церкви они оба дожили.

прочна, для того мнение положили: что оную Николаевскую церковь перенести на кладбище, на то только время, в которое будет построена каменная, дозволить можно³, тем паче, чтобы Афтодеевские прихожане, ежели на несколько лет оставить их без церкви, не лишились слышания молитвословия. <...> Приказали: вышеупомянутую Николаевскую деревянную церковь на показанное кладбищное место пренести дозволить» [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 556. Ед. хр. 1. год 1806. Л. 166–166 об.].

К строительству храма в Автодеево подошли основательно. Шесть лет готовились к этому событию. В селе наладили собственное производство водостойкого кирпича, из которого сложили церковь и колокольню [Никольский скит... Л. 4]. Десять лет занимались ее возведением.

За это время намерение храмоздателей освятить церковь в честь Преображения Господня изменилось. Причиной было чудо исцеления женщины от тяжелой телесной болезни. По преданию, ей во сне явилась Святая Троица и велела найти источник у села Автодеева, испить его воды и трижды облиться ею. Родник этот, по обретении в нем иконы Св. Троицы, издавна Троицким и назывался. Исцеление стало известным и, видимо, заставило храмоздателя принять решение освятить церковь в честь Живоначальной Троицы.

Строительство было завершено в 1822 г. Позже был закончен и освящен зимний теплый придел в честь Святителя Николая. А к 1840 г. к трапезной части пристроили колокольню. Причт состоял из священника, диакона, дьячка и пономаря. Священник имел семинарское образование, диакон — духовного училища. «На содержание священно- и церковнослужителей постоянного оклада или части жалования ни от кого не получалось, а довольствовались они только даянием от прихожан за справление треб и от обрабатывания земли. Содержание их было скудным» [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 558. год 1869. Ед. хр. 175. Л. 23–23 об.]. Неудивительно, что однажды в церкви возникло недоразумение при разделе доходов. Улучшения в быте, давно ожидаемого, духовенство не видело [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. год 1871. Ед. хр. 15. Л. 53].

В начале XIX в. в нем служил священником прадед патриарха Сергия (Страгородского) Дмитрий Герасимов Журавлев. Он рано скончался, и сын его Иван воспитывался у родственников Страгородских, под фамилией которых и был записан при поступлении в Нижегородскую семинарию [Никольский скит... Л. 5].

Троицкий храм представлял собой образец архитектуры классицизма с ее величественной красотой. Построенный в виде корабля и стоявший на взгорье, он доминировал в живописной панораме села с его немудреными избами.

В 1890 г. Автодеево украсилось барским домом. Сын Федора Михайловича Рахманова отставной поручик Александр Федорович Рахманов⁴ построил в Автодеево на холме за прудом каменный дом для проживания. В своей усадьбе он вырастил хороший яблоневый сад, что было редкостью в уезде. Сады разводили лишь в четырех селах и двух имениях, в Автодеево ими не занимались. Несколько более развито было огородничество, но и эта отрасль хозяйства ограничивалась возделыванием весьма немногих видов огородных растений — капуста, картошки, брюквы, огурцов и свеклы.

³ Это не противоречило Высочайшему указу от 24 декабря 1800 г. и 19 апреля 1801 г. о запрещении строительства деревянных церквей вместо погоревших или обветшавших.

⁴ А.Ф. Рахманов родился 5.04.1867 г. — расстрелян 3.09.1937 г.

Главное занятие крестьян — земледелие, но находится оно в неудовлетворительном состоянии. Ардатовский уезд во всех своих частях принадлежит к бесплодной части Нижегородской губернии... в основном пространство уезда состоит из песка или глины и очень редко — серяка...

В Автодееве пахотной и луговой земли было всего 1022 десятины, усадебной 62 десятины, неудобной — 13 десятин. Работали на ней много, но по скудности почвы земледелие не могло прокормить крестьянские семьи. Урожай, приносимые землей: на песчаной почве сам 2–3, глинистой — 2–3,5, серой 3–4. Такая почва худо оплачивает труд крестьянина. К плохому качеству почвы присоединяются слабое орошение, которое с каждым годом делается все слабее... [Спасский, 1867. С. 4].

Так, часто «урожай ржи был тощ, а гречи еще тощее... или: по весенним морозам, повредившим цвет, ягод почти совершенно не было, грибов очень мало, тоже огурцов и капусты... Скудный урожай всякого хлеба... и озимной посев в сухую землю печаливали народ дороговизною хлеба» [Миловский. Л. 140, 270].

Притом способы землепользования и земледелия были очень примитивными. Земледельческие орудия, употребляемые местным населением, самого простого устройства: обыкновенная русская соха, распаивающая весьма небольшой слой почвы, есть повсеместное орудие, употребляемое в уезде, и деревянная борона для разбивания комьев земли.

«Вникая в дело ближе, необходимо нужно сознать, что обработка земли под озимь производится весьма незначительно. Весенняя обработка еще хуже. Тут пугают землепашца наступающие жаркие дни, и он спешит с посевом. Некоторые виды яри сеют по непаханому полю, а после запаивают и боронят... и кончается дело» [Пестов, 1869. С. 24].

Что же касается благосостояния крестьян после освобождения, то оно скорее ухудшилось, чем улучшилось, потому что при помещиках они пользовались даровым лесом, а под пашню брали землю по собственному выбору. Реформа 1861 г. дала крестьянам личную свободу, но урезала их землю. Они получили меньшие и худшие наделы, чем до нее. В Ардатовском уезде оказалось больше всего крестьян с нищенским наделом до 0,5 десятины на ревизскую душу, тогда как для нормального существования в нечерноземной зоне требовалось 8 десятин. Недостающую часть земли крестьяне восполняли покупкой у помещиков, чаще всего коллективно общинами или товариществами, наделы получались небольшими. Крестьянские семьи с годами увеличивались, а размеры наделов оставались прежними. Стало ясно, что «общинная система крестьянского землепользования представляла условия для массового развития скрытого нищенства» [Ардатовский край: настоящее и будущее, 2000. С. 22–24, 28].

Самым доступным, а потому и самым распространенным дополнительным источником жизни крестьян Ардатовского уезда были не земледельческие промыслы. Женщины пряли волокно и ткали холсты для домашнего обихода и на продажу. Мужчины драли лыко, искусно плели лапти. В 1806 г. здесь была и овчинная лавка, торговавшая войлочными изделиями из шерсти овец — кошмой, обувью и шляпами. Этот промысел был развит в деревнях и селах уезда почти повсеместно. По статистике конца XIX в., ими занимались 84,1 процента крестьянских семейств уезда [там же. С. 24].

Другим источником дохода в Ардатовском уезде было маслостроение, плоды которого повсюду пользовались большим спросом.

У некоторых крестьян были мельницы, многие занимались в соседние села в качестве пильщиков. «Начало этому промыслу относится далеко в старину, да едва ли и возможно отыскать его, когда описываемые селения, за исключением Автодеева, находятся в лесу, да и само Автодеево прежде было покрыто лесами... Итак, мы должны прийти к заключению, что пилка леса здесь существует с незапамятных времен» [Спасский, 1867. С. 59].

Лес закупали заранее и потом вдвоем распиливали его на околицах. Выпиливали обычно тес и продавали его на базарах Ардатова. Со времени освобождения крестьян этот промысел увеличился почти вдвое... [там же].

Но заработанных денег, за вычетом потраченных на покупку леса, помещику и семью, часто не хватало для уплаты податей. Дополнительным промыслом являлась рубка и привоз дров, доступный каждому крестьянину, имевшему лошадь. Население оставалось очень бедным, и платежи поступали неисправно. Общее количество недоимок составило 29 рублей 11 копеек (в Автодееве надо было платить по 7 рублей за человека) [там же. С. 61].

Во второй половине XIX в. масштабы производства на множестве старых заводов, построенных в XVIII и первой половине XIX в., стали сокращаться. Предприятия приходили в упадок и не могли обеспечить обедневшее население трудом.

Но расширилась возможность подработать на новых металлургических заводах: Кулебакском, Сатисском, Бушуйском, Князь-Ивановском, Балыковском и Череватовском [Ардатовский край: настоящее и будущее, 2000. С. 25]. Из них лишь Кулебакский был крупным, остальные мелкими. Рабочие добывали руду, копали торф, выжигали уголь.

Те крестьяне, кто не имел ремесла, шли в ямщики, их делом был извоз собственного или покупного товара. Руду, уголь, дрова везли на заводы, пеньку — на уездные базары и ярмарки. Товар доставляли и в Горбатов, и в Нижний Новгород, и даже в Санкт-Петербург. За провоз получали 10–70 копеек с пуда. Иногда зарабатывали до 30 рублей за зиму [там же].

Самые обездоленные шли в бурлаки, хотя развивавшееся пароходство стало составлять им конкуренцию. Кроме того, этот промысел, потребляя силы и здоровье крестьян, свою изначальную цель не выполнял: «бурлак, заработав 15–20 рублей, редко что приносил домой, ибо вел жизнь разгульную и нетрезвую» [там же. С. 27].

Такой «выездной» образ жизни не способствовал устойчивости нравственных основ народа, мужчин отрывал от семейств, утяжелял труды их жен, оставленных с детишками, затруднял воспитание. Жизнь семей нарушалась, отход подчас разрывал семейные узы, а отходники приносили домой «городские» болезни и приверженность к винопитию.

В Автодееве, в сравнении с другими селеньями, оно было крайне развито; и кабак был тут же. Находился он в Автодееве на общественной земле и сохранился мещанином города Темникова Иваном Шустиковым.

Возле питейного заведения на площади Автодеева устраивались базары и ярмарки, где плоды своих трудов крестьяне продавали. Последние отличались от первых только гораздо большим стечением народа и гуляньем.

Автодеево было вторым по населенности селом уезда на 1869 г., в его 128 домах проживало 343 мужчины и 353 женщины. Село это было одним из наиболее благополучных в уезде, но люди и здесь жили бедно. Избы крыли соломой, спали на соломенных подстилках, избы топили по-черному...

До 1860-х гг. развитие села почти не затрагивало сферу народного образования. Характер населения был здесь чисто деревенский. Стремление

к грамотности было, но развита она чрезвычайно слабо... В Автодееве грамотных жителей [то есть умеющих читать и подписывать свое имя] насчитывалось 15 человек [Спасский, 1867. С. 64]. Притом, вероятно, почти все они состояли в причте церкви или были членами семейств церковно- и священнослужителей.

Невежество народа было повсеместным явлением в России. Но после отмены крепостного права правительство стало принимать меры к повышению грамотности населения. Очень быстро во всех епархиях стали открываться церковные школы. В Автодееве в том же 1861 г. священником Иоанном Гавриловичем Васильевым было заведено начальное училище для обучения крестьянских детей. Не имея для того ни средств, ни помещения, батюшка занимался с детьми у себя на дому в осенне-зимние месяцы (обучал 25–30 мальчиков в год).

Согласно отчету благочинного, сельские школы в Ардатовском уезде были «далеко не в цветущем состоянии: народ мало видит их пользу. Земство поддерживает их слабо, всего требовать от священников было бы несправедливостью» [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1871. Ед. хр. 15. Л. 53]. Но отчет уездного Ардатовского училищного совета представлял положение с образованием народа несколько «подправленным». По его удостоверению, «сельские жители имеют желание обучать своих детей, по крайней мере грамоте, это желание подтверждается числом училищ и учащихся в них» [Пестов, 1869. С. 11]. А училищ в течение первого десятилетия после реформы было совсем немного.

Примером действительного положения дел могло послужить Автодеево. Церковная школа священника Иоанна Гавриловича Васильева в 1871 г. прекратила свое существование — очевидно, из-за отсутствия детей, желавших учиться, или противления родителей, не видевших надобности в грамотности своего подрастающего поколения.

И только 21 ноября 1886 г. преемником о. Иоанна священником Константином Порфирьевичем Коринфским церковно-приходская школа в Автодееве была открыта вновь. Но содействия официальных структур, как и 15 лет назад, не было. Четыре года занятия проводились в священническом доме, потом — в церковной караулке. Законоучителем и заведующим школой до 1917 г. состоял служащий священник. В преподавании предметов периодически помогал ему псаломщик, окончивший низшее отделение Нижегородской духовной семинарии и утвержденный учителем школы. Отец Константин с 1888 до 1899 г. был также епархиальным катехизатором [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1886. Ед. хр. 71. Л. 2 об. — 4; там же. Год 1890. Ед. хр. 43. Л. 3 об., 4 об.]. Поведения рекомендовался весьма хорошего.

Школа отца Константина его усердием просуществовала до 1917 года. Но не без оснований к тому, посетив в начале 1890-х гг. Троицкую церковь в Автодееве и ознакомившись с положением дел, выдающийся просветитель и миссионер епископ Нижегородский и Арзамасский Владимир (Петров) укорил крестьян в нерадении их обучению грамоте детей и увещевал озаботиться устройством помещения для церковно-приходской школы [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1889. Ед. хр. 4. Л. 30 об.]. Второе пожелание пресвященного исполнено никогда не было.

К концу XIX в. положение с народным образованием несколько изменилось. Во 2-м округе, к которому относилось Автодеево, церковно-приходских школ было уже 9, в них учащихся 205, школ грамоты 4, в них учащихся 123, земских школ 14, в них учился 801 подросток. Заниматься стали и девочки.

Так что во всех школах округа учащихся мужского пола стало 1011, женского — 118. Число учебных заведений округа стало наибольшим в 1916 г. Тогда церковно-приходских школ было 14, одна из них женская, общее число учащихся в них до 600 человек. Земских и министерских училищ было 35, в их числе одно высшее начальное, мужская и женская гимназии, в которых занимались до 2200 учеников.

Заботу о духовном образовании и воспитании народа духовенство неизменно принимало на себя. Почти все священнослужители преподавали в школах, церковных и гражданских, проповедовали Слово Божие в богослужбное и внебогослужбное время в церквях, в домах прихожан при требоисправлениях и при всяком удобном случае. Благодаря их проповедничеству и школам религиозно-нравственный уровень паствы поднялся [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1895. Ед. хр. 11. Л. 254].

С 1900 г. продолжать пастырские и учебно-просветительские труды отца Константина в автодеевской Троицкой церкви было суждено выпускнику Нижегородской духовной семинарии священнику Михаилу Алексеевичу Критскому.

Друг Христов⁵

*Живем ли — для Господа живем,
умираем ли — для Господа умираем,
всегда Господни.*

Рим. 14, 8

Михаил Алексеевич Критский происходил из старинного рода нижегородских очень бедных церковно- и священнослужителей⁶.

Его первый известный предок по отцу *Иван Осипов*, 1767 г. р., вероятно, был потомком безвестных церковнослужителей XVIII в. Служил он штатным пономарем при церкви села Новоспасского (Шелонга) Лукояновского уезда.

Дед отца Михаила *Александр Петров Критский*, 1817 (?) г. р., окончил низшее отделение Арзамасского духовного училища. Указом преосвященного Амвросия (Морева) от 14 июня 1832 г. он был определен дьячком и 18 сентября посвящен в стихарь к Архангельской церкви села Большие Поляны Лукояновского уезда. По сведениям ведомости о клире уезда, «читал и пел [он] хорошо, но Катехизис знал мало. Поведения был хорошего» [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Год 1848. Ед. хр. 257. Л. 18 об. — 19 об.]. Но за годы служения катехизис освоил достаточно. Недвижимого имущества никакого не имел.

Свою замечательную фамилию Александр Петрович получил в духовном училище. Столетие сохранялась традиция при поступлении юноши в духовные школы присвоения ему фамилии по усмотрению учебного начальства. Александру дали фамилию в честь святителя Андрея, архиепископа Критского, непревзойденного песнописца, автора многих богослужбных текстов и Великого покаянного канона, тысячу лет ежегодно читаемого на

⁵ 15 Ср.: Ин. 15, 14.

⁶ Нижеприведенные сведения о предках отца Михаила Алексеевича Критского и его супруги Нины Алексеевны Критской (Раевой) почерпнуты из материалов ЦАНО и документов Нижегородской консистории.

первой седмице Великого поста. Святитель Андрей был чутким и заботливым пастырем, устройтелем домов сирот и престарелых, строителем храма Влахернской Божией Матери и усердным молитвенником за вверенную ему паству. В период иконоборческой ереси еп. Андрей стал одним из защитников православия... Возможно, он стал духовным покровителем рода священнослужителей, носивших фамилию Критские.

Женился Александр на 18-летней Марии Васильевой, 1816 (?) г. р. У них родилось восемь детей: Дмитрий⁷, Петр, Николай, Наталья, Ольга, Иван, Андрей и *Алексей*, ставший продолжателем рода.

Супруга скончалась 70 лет 1 апреля 1887 года [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. 1881–1890 годы. Ед. хр. 1846. Л. 301 об.], Александр пережил ее почти на 10 лет и умер 29 декабря 1896 года [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Годы 1891–1900. Ед. хр. 1847. Л. 212 об. — 213].

Отец священника Михаила — *Алексей Александров Критский*, 1847 г. р., родился в с. Поляны. Обучался он в высшем отделении Арзамасского духовного училища, затем в среднем отделении Нижегородской духовной семинарии, которое окончил в 1869 г. 3 августа того же года по благословению преосвященного Филарета (Мальшевского) он был определен к Николаевской церкви села Нестиара Макарьевского уезда [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3. Год 1869. Ед. хр. 338. Л. 1419 об. — 1420]. 17 августа Алексей обвенчался и 7 сентября был рукоположен в сан диакона к названной церкви. Его женой стала 16-летняя Ольга Писарева, 1854 г. р., дочь диакона Ильи Семенова Писарева, уступившего место зятю. Как имеющий семинарское образование, отец Алексей стал первым законоучителем в своем роду, преподавал в сельской приходской школе, где обучал грамотности до 25 мальчиков. Уже через два года, в 1871 г. он был перемещен диаконом в Арзамасский Знаменский собор. «Читает и поет хорошо и Священную историю знает очень хорошо. Поведения весьма хорошего» [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1872. Ед. хр. 94. Л. 4 об. — 5], — записано в Клировой ведомости за 1872 г. В 1877 г. отец Алексей был рукоположен во священника к Казанской церкви села Поляны-Мисюриха и стал помощником настоятеля церкви. 3 августа 1885 г. «за ревностное и полезное при честном поведении пастырское служение» преосвященным Модестом (Стрельбицким) он был награжден набедренником. В 1886 г. отец Алексей был переведен к церкви Рождества Пресвятой Богородицы с. Белкино Семеновского уезда (ныне Борского района) и с 26 января 1890 г. указом духовной консистории № 375 утвержден законоучителем в Белкинском начальном училище [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1895. Ед. хр. 112. Л. 202 об. — 203 об.]. «Поведения отличного, катехизис и Священную историю знает очень хорошо; нередко произносит поучения и ведет повременные внебогослужебные собеседования», — свидетельствовала запись Клировых ведомостей [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. год 1890. Ед. хр. 82. Л. 185 об.].

В 1890 г. в его семье [было] семеро детей: Александра, родилась 11 апреля 1871 г., Мария — 6 августа 1873 г., Анна — 1876 г. р., *Михаил* — 4 ноября 1879 г.,

⁷ Дмитрий по окончании высшего отделения Арзамасского духовного училища в 1856 г. был определен послушником в Городецкий Федоровский монастырь, в 1858 г. переведен дьячком в церковь села Кременецкое Княгининского уезда и на следующий год посвящен в стихарь. В 1862 г. преосвященным Нектарием (Надеждиным) был переведен к Николаевской церкви села Б. Маресева Лукояновского уезда. В 1893 г. псаломщик при церкви с. Толмачи Арзамасского уезда (Клировая ведомость церковей г. Лукоянова за 1869 год). [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Год 1869. Ед. хр. 194. Л. 48 об. — 49, а также оп. 559. Год 1893. Ед. хр. 212. Л. 174–175 об.].

Евдокия — 1882 г., Василий — 1884 г., Капитолина (два годика). Дети вели себя очень хорошо. Недвижимого имущества не было [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1890. Ед. хр. 46. Л. 186 об.] — ни у священника, ни у его жены.

К 1894 г. старшая дочь Александра Алексеевна была замужем за священником с. Кочкарей Лукояновского уезда отцом Иоанном Васильевым Алексеевским, Анна окончила курс епархиального училища, Михаил, 15 лет, обучался в первом классе Нижегородской духовной семинарии на полуказанном содержании, а 10-летний Василий — в Нижегородском духовном училище на содержании отца [там же. Л. 199 об. — 200 об.].

Скончался 8 июня 1896 г. в возрасте 46 лет в селе Белкино и похоронен в ограде церкви Рождества Богородицы [Нижегородский церковно-общественный вестник. Стб. 345]. Его супруга умерла от горячки раньше — 14 февраля 1892 г. Ей было всего 39 лет. Погребена она была 21 февраля в Белкино на приходском кладбище [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1892. Ед. хр. 1101. Л. 318–319 об.].

Михаил Алексеевич Критский родился 4/17 ноября 1879 года в селе Поляны-Мисюриха Арзамасского уезда, был старшим сыном. Его восприемником во святом крещении стал дядя — 34-летний брат его отца, тогда священник Успенской церкви с. Кудеярово Николай Александрович Критский.

С 13 лет, со времени смерти матери, Михаил Критский обучался в Нижегородском Сергиевском духовном училище [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1892. Ед. хр. 144. Л. 167 об.] на содержании отца [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1893. Ед. хр. 218. Л. 193 об.]. По окончании училища в 1894 г. Михаил был принят в Нижегородскую духовную семинарию на полуказанное содержание — как сын многосемейного, вдового и бедного священника. Через два года скончался и его отец.

Полный курс Нижегородской духовной семинарии Михаил Алексеевич успешно окончил в 1900 г. по первому разряду со званием студента, которое позволяло продолжить образование в духовной академии [Нижегородские епархиальные ведомости, № 13. С. 289]. Но Михаил избрал служение приходским священником: нужно было помогать младшим братьям и сестрам, да и денег не было. 28 сентября 1900 г. преосвященным Владимиром (Никольским) он был определен на праздное священническое место при церкви села Автодеево [Нижегородские епархиальные ведомости, № 20. С. 420]. 18 октября Михаил женился, 29 октября он был посвящен в стихарь и рукоположен во диакона, а 1 ноября 1900 г. рукоположен во священнический сан.

Женился Михаил Алексеевич на 18-летней Нине Алексеевне — старшей дочери священника Арзамасской Софийской церкви Алексея Ивановича Раева. Родилась она 27 декабря 1881 г., курс Арзамасской Екатерининской прогимназии окончила в 1897 г.

Нина Алексеевна принадлежала к столь же старинному роду нижегородских церковно- и священнослужителей, как и ее супруг. Самые ранние, известные с 1761 г. ее предки подвизались пономарями при церкви села Ямская Слобода Арзамасской округи.

Первым известным священнослужителем стал *Андрей Никаноров*, 1788 г. р., рукоположенный в 1813 г. диаконом к церкви Святителя Николая села Ачапное Макарьевской округи.

Его сын *Михаил Андреев*, 1812 г. р., окончил курс уездного духовного училища в Починках (?), где получил фамилию Симайский или Симанский, утраченную первым же поколением потомков, поскольку имел лишь двух

дочерей. Определен он был дьячком к церкви Рождества Христова с. Васильев Враг Арзамасской округи, а 29 мая 1831 г. переведен в церковь иконы Божией Матери Живоносный Источник села Хозино-Богословское того же Ардатовского уезда, построенную помещиком М.М. Аргамаковым.

Фамилию Раев, унаследованную и сохраненную его потомками, получил дьяческий сын *Иван Михайлов*, 1836 г. р., обучавшийся в низшем отделении Арзамасского уездного духовного училища. Он служил дьячком в храме села Хозино-Богословское. Читал и пел хорошо, Катехизис и Священную историю знал [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 558. Год 1860. Ед. хр. 228. Л. 61]. Его сын *Алексей Иванович Раев* и стал отцом супруги священника Михаила Критского.

С годами в семье Михаила Алексеевича и Нины Алексеевны Критских родилось пятеро детей. Их первый младенец 27 февраля 1903 г. родился мертвым [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Год 1903. Ед. хр. 3. Л. 1]. Следующие дети рождались здоровыми и выросли, но последний, Николай, умер в 9,5 месяца.

26 февраля 1906 г. от разрыва сердца скоропостижно скончался отец матушки священник Алексей Раев. Все дальнейшие заботы о многочисленной его семье — супруге-вдове и семерых детях — легли на плечи оставшегося старшим отца Михаила Алексеевича Критского.

Прежде всего, он почтил память усопшего тестя пространным и серьезным некрологом:

«...Родился Алексей Иванович Раев в 1858 г. В 1879 г. он окончил курс Нижегородской духовной семинарии и в том же году поступил учителем в земскую школу села Козакова Арзамасского уезда. Жена его — Надежда Авраамовна, 1860 г. р. В 1881 г. Алексей Иванович был определен во священника к церкви небольшого и бедного села Тоузаква Арзамасского уезда. Много труда предстояло здесь пастырю, но он не боялся и не бегал труда. Храм здесь был опавший⁸, а средств не было. Новоприбывшему пастырю даже пришлось на собственные средства покупать в церковь свечи на Великий пост и на Пасху. Но потом, благодаря неустанным заботам и хлопотам, отец Алексей за пять лет своей службы храм снаружи подправил, а также снабдил его ризницей и церковной утварью. Школы здесь не было» [Нижегородский церковно-общественный вестник, № 12. Стб. 340].

В 1883 г. священник Алексей Раев с помощью елабужского купца Сергея Петрова выстроил хорошую земскую школу, в которой стал законоучителем. Тот же С.П. Петров пожертвовал церкви купленный им помещичий дом — «для помещения священника».

В 1885 г. отец Алексей «был перемещен к Арзамасской Софийской церкви. Здесь он прежде всего в церковной ограде развел хороший сад, до 200 яблоней. Потом расписал внутри и холодный, и теплый храмы, поправил их и снаружи. В 1895 г. он выстроил и открыл в приходской деревне Хватовке (в пяти верстах от города) церковно-приходскую школу, где два года был законоучителем» [там же].

Отец Раев был членом правления Арзамасского духовного училища, причем самое деятельное участие принимал и в приискании денег на постройку училища, и в самой постройке. С 1901 до 1903 г. он был членом отделения епархиального училищного совета.

⁸ Так в тексте.

«Вообще почивший всего себя посвятил школьной деятельности. Действительно, это было любимое им дело, которым он жил.

Но тяжелая болезнь прекратила полезную деятельность отца Алексея. В конце 1901 г. открылась гангрена. Много страданий пришлось перенести ему. В 1903 г. 27 марта больная нога была отнята, но рана не зажила, и он последнее время своей жизни ходил на костылях». За штат священник Алексей Раев вышел в 1902 году 5 июля <...>

Мир тебе, Божий делатель на ниве Христовой Церкви!» [Там же.]

По тексту некролога можно судить о том, каким усердным пастырем был отец Нины Алексеевны, какое значение придавал он школьному делу, образованию и воспитанию молодежи, а также насколько важным было это в глазах отца Михаила. Зять покойного пастыря продолжил его труды.

Прежде всего отец Михаил наследовал после отца Константина Коринфского руководство местной церковно-приходской школой, стал ее директором и преподавателем. А с 25 ноября 1900 г. он был назначен также законоучителем в земском Автодеевском начальном училище. Детей он любил и в течение многих лет их обучению и воспитанию уделял особенное внимание. На десятилетие позже, с 19 августа 1913 г., священноначалием ему было поручено ответственное дело преподавания Закона Божия и в церковно-приходской школе деревни Теряевка с населением, в значительной части своей находящемся в расколе.

Церковными школами округа церковные старосты из крестьян, занятые заботами о храмах, были мало озабочены. Учиться в школах своих детей крестьяне посылали теперь охотно, но на поддержание школ очень скупились [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1895. Ед. хр. 11. Л. 255 об.]. Священнослужителям привычно было такое отношение прихожан к их самоотверженным трудам. Но именно церковная школа давала крестьянским детям главное: начатки богопознания, правила доброй христианской нравственности, воспитывала любовь к Богу и храму, уважение к законам и законной власти.

Просвещение, которое несли в народ государственные земские школы (а их в округе было большинство), имело светский характер, и среди учителей было много демократически мыслящей и революционно настроенной молодежи [Ковалева. Л. 2]. Их труды приносили плоды очень разные. Участие священника в земской школе было совершенно необходимым.

В числе священнослужителей Нижегородской епархии, поколениями подвизавшихся на ее территории, усердными и самоотверженными пастырями были очень многие. Такой была изначальная традиция сословия, сохранявшаяся многими представителями духовенства до самого разрушения Церкви. Один из священников Лукояновского уезда отец Иоанн Миловский, в старости вспоминая пережитое, писал в своем дневнике:

«Признаюсь чистосердечно, что [по]чести не составляли для меня главной цели моей службы. Я к [по]честям и по природе незавидлив. Главною своею целию я почитал служение священническое, которое всеми мерами по силам моим и возможности я и старался как можно лучше исправить... Одним словом – я жил только для священнического служения и для воспитания детей» [Миловский. Л. 196]. Подобным устроением отличался и отец Михаил Критский.

С самого начала служения, насколько позволяли возможности⁹, позаботился батюшка о доме Божием — Троицком храме. Был возобновлен ремонт церковного здания, ризницы и церковной утвари. Храм обнесли деревянной оградой [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1901. Ед. хр. 95. Л. 1]. Затем на пожертвование старосты Григория Максимова Шорина на колокольне был установлен новый шпиль с крестом, приобретены второй¹⁰ колокол и распятие с предстоящими [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1907. Ед. хр. 78. Л. 7].

А «росписи внутри храма масляные — в холодной церкви Троицкой (кроме алтаря) выполнены были в 1904 г. арзамасским мещанином В.А. Крыловым. Теплую церковь (трапезную) могли расписать дивеевские сестры, но когда именно, неизвестно» [ГКУ ЦАНО. Ф. 569. Оп. 1779-а. Год 1904. Ед. хр. 3. Л. 57]. Писали монахини в манере, усвоенной их предшественницами в Санкт-Петербургской академии¹¹, вероятно, ко времени освящения новопостроенного храма.

Рисунок 1. Отец Михаил с матушкой Н.А. Раевой и детьми, правее мать Нины Алексеевны, и в белых блузках ее братья и сестры.

Источник: личный архив иерея Георгия Павловича

⁹ Как отметил благочинный, священник был человеком небогатым. Недвижимого имущества не имел никогда, а его домом иногда называли деревянную сторожку [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1910. Ед. хр. 78. Л. 1 об.; ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1908. Ед. хр. 61. Л. 3].

¹⁰ Первый колокол был куплен в 1899 г. на пожертвование предшествующего старосты И.И. Макулова. (?) В 1901 г. он пожертвовал также 25 рублей на священническое облачение [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1906. Ед. хр. 106. Л. 5].

¹¹ Из воспоминаний последней сестры прежнего Дивеевского монастыря Маргариты (Лахтионовой). Она тоже принимала участие в этих работах [Никольский скит. С. 5].

Отец Михаил бесменно прослужил в Троицкой церкви 20 лет, в период очень сложный и тяжелый для всего российского крестьянства. Жители и Автодеева, и остальных сел епархии не справлялись с валом платежей, обрушившихся на них после 1861 г. Доход от промыслов их не покрывал. Власти начали взыскивать долги силой, описывать крестьянское имущество за недоимки. К началу XX в. 19 процентов хозяйств Ардатовского уезда полностью лишились земли. Малоземелье подрывало и животноводство. «Упадок крестьянского хозяйства — факт несомненный, — констатировало уездное земство. — Податное и налоговое бремя, лежащее на крестьянских хозяйствах губернии... является для них непосильным. Следствием этого и являются недоимки, достигшие к 1901 г. 15,5 миллиона рублей» [Ардатовский край. С. 29].

Народ чувствовал себя обманутым и ограбленным. Он протестовал как умел. Всего за один 1865 г. было в Ардатовском уезде совершено 311 правонарушений, завершавшихся конфликтами разного масштаба. С годами число их только возрастало. Разрядить нарастающую напряженность в сфере социальных отношений можно было только нормализацией духовного состояния народа. Необходима была помощь Божия, участие Церкви.

Но те же процессы, которые разрушали благосостояние людей, подрывали и веру народа, искажали его отношение к своим пастырям. Последствия духовного очерствения проявили себя в сфере материальной. Для прихожан, с трудом сводивших концы с концами, содержание священника представлялось лишним бременем. А более обеспеченные хозяева отличались скупостью. Прочно забыты слова апостола Павла, для всех общин сказанные: «Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования» (1 Кор. 9, 14), «для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, тем самым постоянно занятые» (Рим. 13, 6). «Наставляемый словом делись всяким добром с наставляющим» (Гал. 6, 6).

Все отчеты Ардатовского уезда начала XX в. отмечают нищенское обеспечение духовенства его прихожанами, чему сопутствовало еще и унижение пастыря. Забота о его жизнеобеспечении свелась к тягостной обязанности сбора руги¹². Раньше сбор производили сами крестьяне и привозили священнику хлеб на дом. Теперь такой порядок прекратился.

«И если кто из крестьян не отказывался совсем от "хлебной руги", то выговорили, чтобы сбор хлебом духовенство производило само (объезжая с телегой избы, прося крестьян поделиться с ним урожаем! — Сост.) и давать священнику сколько кто может (или хочет? — Сост.). Не говоря уже о том, что благодаря такой постановке дела духовенство едва ли не наполовину стало получать хлеба меньше, самый способ сбора для него в высшей степени стал неудобен, унизителен и тягостен» [Нижегородский церковно-общественный вестник, № 35. С. 886–887]. И это положение было так распространено в храмах Ардатовского уезда, что нижегородскому владыке Назарию (Кириллову) пришлось обличать и увещевать крестьян.

¹² Руга — от греч. *rhuga* — «плата». Отсыпной хлеб, выдававшийся духовенству приходом вместо жалованья.

Сложной и трудной была паства, которую отцу Михаилу предстояло окормлять всю жизнь. Конечно, еще оставались в церкви прихожане, не потерявшие веру. Они были внимательны и почтительны к священнику, старались помочь храму личными пожертвованиями. Так, в Автодееве церковный староста Иван Шадров внутренность храма привел в благочинный вид. Сменивший его Иван Смирнов на собственные 1400 рублей построил вокруг храма металлическую ограду с кирпичными столбами, а на несколько лет раньше приобрел для отца Михаила новое облачение. У батюшки на это никаких средств не было. Позже, когда следователь освидетельствовал его одежду, оказалось, что шапка его меховая старая, плохая, ряса плохая, с подолом рваным, сапоги изношенные, плохие...

Отец Михаил сменил на Троицком приходе Автодеева очень почитавшегося и любимого крестьянами иерея Константина Коринфского. И молодой священник также стал пастырем усердным и самоотверженным. По слову апостольскому «не о себе каждый заботься, но каждый и о других» (Фил. 2, 4) отец Михаил был занят молитвенным предстоянием за своих прихожан и помощью им. Проблемы собственного жизнеобеспечения словно не существовали и решались сами, как получалось. Добрый пастырь видел, что крестьянам трудно разобраться и сориентироваться в происходивших событиях. И он делал что мог для разъяснения сложных обстоятельств и умирения крестьян. С этой целью за один только 1901 г. отец Михаил произнес 57 проповедей печатных и 6 собственного сочинения [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1901. Ед. хр. 95. Л. 3]. И в начале следующего года — еще 6 проповедей.

Важнейшей задачей священника было воцерковление номинальных, по крещению только, христиан села. Статистика говорила о том, что к началу XX в. в значительной степени утратилась практика святого причащения православного народа. В 1906 г. по 2-му округу Ардатовского уезда за Великий пост и Пасху из 48 891 жителя округа причастились 34 985 человек, а 12 179 к исповеди и Св. Таинам не приступили. Из них 1303 человека без всяких причин не сочли нужным это делать [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1906. Ед. хр. 12. Л. 5 об.], и, вероятно, не первый год.

Участившиеся природные бедствия не вразумляли народ. Непонятные ему политические события начала XX в. вызывали смущение, ложные надежды, а потому «употребление спиртуозного не уменьшалось» [там же].

Нагнетавшаяся обстановка общественной жизни заставляла пастырей быть постоянными, твердыми и недремлющими стражами Богом врученного им словесного стада [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1906. Ед. хр. 12. Л. 6–6 об.]. Отцу Михаилу приходилось, по слову апостольскому, «вразумлять бесчинных, утешать малодушных, поддерживать слабых, быть долготерпеливым ко всем» (Ср. 1. Сол. 5, 14–15). И он всегда находил возможность уделять своим прихожанам необходимое внимание, чтобы помочь в решении сложных вопросов, духовных или житейских, обратить заблудших, а враждующих примирить¹³. В селе долго помнили случай с работником крестьянина Ивана Павловича Кольчатова Алексеем, устроившим поджог. Алексей был

¹³ Непонятно даже, как у него хватало времени на собственную семью. Но дети священника, как отмечалось в метрических выписках, отличались благонравием. А матушка Нина Алексеевна, как могла, принимала деятельное участие в попечении отца Михаила о прихожанах. Нередко во время крещения новорожденных младенцев из семей не только церковнослужителей, но и крестьян она становилась восприемницей и наверняка в дальнейшем не оставляла крестников своим вниманием.

с норовом, повздорил с хозяином. А время было беспокойное, 1906 г. Бунты по всей стране. Кольчатов беспорядки не одобрял. Поговаривали даже, что он способствовал усмирению народного возмущения в Автодееве. Тогда арестовали 20 человек, мятежники были приговорены к каторге, тюремному заключению и ссылке, и никто из них в село уже не вернулся. Как поветрие разнеслось такое — поджигать хутора и помещичьи усадьбы. Алексей и поджег дом Кольчатова. А загорелось не так, как он рассчитывал. Загорелись постройки соседей. Потушить-то потушили, но сказали на детей Кольчатова, что они подожгли. Детей для порядка выпороли, они ревут, но клянутся, что не поджигали. И пошла между соседями вражда.

А потом Алексея проняло, и он покаялся на исповеди отцу Михаилу Критскому, рассказал, как было дело, и просил помирить его с Кольчатовым, поскольку причиной их взаимной неприязни был он сам. Пошел к Кольчатову отец Михаил, а Ивана Павловича заело. Зло взяло: сколько времени молчал Алексей, столько горя, обид, вражды — не вернешь. А теперь прощай его за одно слово! Хотя сам священник за Алексея просит, но как я его, такого, прошу! Отец Михаил был готов опуститься на колени, но этого Иван Павлович не допустил: «Батюшка, ты не должен мне в ноги падать. Я его прощаю!» [Петрушевская Л. 54]. Много позже примирил он и других крестьян, долгие годы пребывавших в ссоре. Житель Автодеева Николай Григорьевич Кулаков умирал от тифа. В начале ноября, не побоявшись заразиться, священник пришел напутствовать его Святыми Дарами. Умиравший покаялся в распре со своим родственником. Отец Михаил пригласил этого человека к больному и попросил их помириться, что и произошло. Вскоре больной скончался. На другой день священник пришел в его дом и, отслужив панихиду, сказал: «Николаюшка, Николаюшка, не тебе бы тут лежать, а мне...» К тому времени уж очень тяжела стала его жизнь и опасна пастырская деятельность. Отпевал его батюшка 21 ноября, в день своего ангела [Анастасия (Кулакова). С. 32]¹⁴.

Не удивительно, что в тяжелый период смут первой русской революции отец Михаил, священнослужитель ответственный и благоразумный, по благословению преосвященного Назария (Кириллова) с 28 мая по 5 ноября 1905 г. исполнял должность духовного следователя во 2-м Ардатовском округе [Нижегородские епархиальные ведомости, № 12. С. 352; № 15. С. 461]¹⁵. Его обязанностью был разбор дел в отношении священнослужителей, монашествующих и семинаристов. Священнику доверяли, его любили и уважали.

Незатихавшее брожение умов, усилившееся к 1905 г., а потом подспудно расширявшееся, поставило духовно-нравственное воспитание народа и защиту веры в число первоочередных задач духовного окормления. Отцу Михаилу предстояло решать их во всем многообразии проявлений.

В Церкви тогда обсуждались возможности оживления приходской жизни, ожидался созыв Всероссийского собора. В порядке подготовки к нему в период предсоборных совещаний собирались мнения иерархов Русской Церкви о самых необходимых преобразованиях, повсеместно созывались епархиальные и местных масштабов съезды. В 1907–1909 гг. отец Михаил

¹⁴ История эта относится к 1920 г. Тогда на помин попросил батюшка пожертвовать в церковь икону преподобного Серафима и столь нужное в проповеднической деятельности Толковое Евангелие.

¹⁵ Священник был освобожден по болезни.

избирался духовенством депутатом от Ардатовского благочиния на общепархиальный и окружные съезды Нижегородской епархии. В работе епархиального съезда, с 12 декабря 1907 г., он принимал участие в качестве депутата 2-го округа Ардатовского уезда, а 12 октября 1908 г. принял участие в съезде депутатов Арзамасского училищного округа [Нижегородский церковно-епархиальный вестник, № 47. Стб. 1242; № 41. Стб. 931].

А на своем приходе с августа по декабрь того же 1906 г. отец Михаил проводил внебогослужебные собеседования с народом.

«Собеседования имели форму поучений, и так как велись после прочтения той или другой главы Евангелия, то вместе с тем имели характер истолковательный, — писал в годовом отчете отец Михаил, — ...прочитано с 24 по 28 гл. Евангелия от Матфея и первые семь глав Евангелия от Марка. Собеседования велись часто устно, часто при помощи руководства, каковыми служили: "Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея" и сборник статей на Четвероевангелие Барсова. Собеседования начинались после службы вечерни или утрени и оканчивались пением тропаря и кондака перед иконой Знамения Пресвятыя Богородицы. По вопросу, как влияли на слушателей эти собеседования, можно сказать, что самое чтение Евангелия на русском языке, понятном для всех, так завлекало слушателей, что, несмотря на продолжительность службы, молившиеся оставались почти все» [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1906. Ед. хр. 27. Л. 1–1 об.].

В Клировой ведомости за 1907 г. отмечено было, что священник читает проповеди и поучения своего сочинения и поведения он отличного [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1907. Ед. хр. 62. Л. 3]. Впервые в истории Автодеева появилась в нем церковная библиотека. В 1900 г. книг для чтения в храме не было вообще, а за десять лет батюшка собрал библиотеку в 200 томов. В частности, противораскольническая литература была представлена десятью книгами с восемью разными названиями [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1906. Ед. хр. 106. Л. 2].

Усердное служение отца Михаила было отмечено священноначалием: 5 мая 1906 года он был награжден набедренником [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1905. Ед. хр. 63. Л. 463 об.; Ф. Р-1016. Оп. 2. Год 1902. Ед. хр. 58. Л. 1 об.].

Самоотверженные труды священника, его инициативы, конечно, требовали некоторых ответных усилий и жертвенности прихода и потому не всегда встречали сочувствие крестьян и желание сотрудничать с ним. Еще в 1895 г. ардатовский уездный благочинный отмечал, что «среди пасомых общественной благотворительности нет, по их неразвитости и несостоятельности. Нет в округе ни приютов, ни богаделен, ни других благотворительных учреждений церковно-приходских тоже нет» [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1895. Ед. хр. 11. Л. 254 об.]. Но в апреле 1906 г. отец Михаил сделал попытку организовать при Троицком храме благотворительные учреждения. По его благословию в мае того же года было открыто церковно-приходское попечительство, которое должно было заботиться о благоукрашении храма и оказывать помощь сиротам и старикам прихода, не могущим себя прокормить и одеть [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1906. Ед. хр. 12. Л. 7–7 об.]. В следующем году была сделана попытка устроить в Автодееве богадельню. На

нее было даже пожертвовано 200 руб. Но начинания священника просуществовали только до 1908 г. Тогда и попечительство, и богадельня прекратили свое существование — «умерли, не встретив себе дальнейшей поддержки и сочувствия прихожан» [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1908. Ед. хр. 57. Л. 2]. Жители не желали тратить деньги даже на украшение собственного храма. Еще ранее, за целый 1902 г., например, с этой целью всеми прихожанами было пожертвовано 30 копеек [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1902. Ед. хр. 78. Л. 7] и на общецерковную благотворительность тоже копейки. В связи с кризисом, разразившимся в начале XX в., крестьян беспокоило обеспечение собственного выживания.

Другой извечной проблемой церковной жизни в Нижегородской епархии было противостояние расколу. Здесь, как и по всему северному Поволжью, жили и продолжали свою деятельность издавна поселившиеся старообрядцы. В Ардатовском уезде жило 319 раскольников. В 1907 г. в Автодееве их было 85 человек, в Журелейке 113, в других деревнях понемногу [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1906. Ед. хр. 12. Л. 6 об.].

Здесь была «преобладающей секта Спасова согласия, — писал в своем краеведческом исследовании М.И. Пестов, — раскольники этой секты принимают священство и молятся за Царя. Весь толк сектантов состоит в том, что они от Церкви принимают только два таинства: крещение и брак. Первое по духу секты, а второе — по необходимости...

Домашние моления тоже, кроме чтения, сопровождаемого каждением, ничего особого не представляют, но встречаются иногда столкновения с духовенством в следующих случаях: священники, окрестив младенца, считают уже его сыном Церкви, раскольники же наоборот» [Пестов, 1869. С. 16].

Для охранения православной паствы от влияния сектантов с 9 февраля 1875 г. действовало Нижегородское миссионерское братство Святого Креста, членом и сотрудником (казначеем) Ардатовского отделения которого с 1903 г. стал отец Михаил [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1905. Ед. хр. 63. Л. 463 об. — 464]. Согласно уставу братства, оно «имеет целью вразумлять и обращать в св. православной церкви удаляющихся от нее раскольников-старообрядцев и сектантов в пределах Нижегородской епархии и ограждать от их заблуждений православных. <...> Для той же цели Братство чрез своих миссионеров производит собеседования о предметах веры с раскольниками и сектантами... старается распространять книги, брошюры и печатные листы, которые или вновь создаются избранными к тому членами Братства, или приобретаются новые и раздаются, кому будет нужно, или бесплатно, или с некоторым малым вознаграждением» [Нижегородские епархиальные ведомости, № 12. С. 355–364].

Деятельность братства и отца Михаила в нем была не бесплодной. Время от времени кто-либо из раскольников возвращался в православие. В 1904 г. состоявший в расколе Спасова согласия крестьянин села Журелейки Степан Николаев Симагин, 80 лет, выразил решительное желание быть присоединенным к православной греко-российской церкви. Вследствие чего 23 ноября в приходской церкви села Автодеева священником Михаилом Критским, теперь и духовником Стефана, было совершено таинство его присоединения к православной церкви с сохранением прежнего имени [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. 1901–1910 год. Ед. хр. 3. Л. 148 об.; Нижегородский епархиальный вестник, № 5. С. 119–120].

В противораскольнической деятельности пришлось отцу Михаилу встретиться с конфликтом, порожденным расколом в семейной жизни крестьян, —

проблемой, ответственность за решение которой священник не мог взять на себя. Тогда крестьянин деревни Клоповки Николай Селькин просил батюшку разрешить несогласия, возникшие по вопросу о женитьбе его внука. По этому поводу 15 мая 1907 г. священник обратился в консисторию с вопросом, как правильно ответить на просьбу повенчать в православной церкви молодого человека, родители которого находятся в старообрядческом расколе Спасова согласия. Неоднозначность ситуации была вызвана тем, что молодой человек, крещенный в православной церкви, у исповеди и причастия Святых Таин от рождения не был и в православную церковь не ходил, так как всецело находился под влиянием своей матери-раскольницы. Неизвестно, какое решение было бы принято консисторией в предшествующие годы, но на этот раз «Приказали: Так как жених крещен в Православной Церкви, то повенчать его с избранною невестою, если по обыску не встретится законных препятствий, в православной церкви разрешается, но с неперменным условием, чтобы прежде совершения брака жених исполнил христианский долг исповеди и Святого причастия в своей приходской церкви села Автодеева, о чем дать указ вышеозначенному причту» [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. 1907 год. Ед. хр. 2, Л. 291 об. — 292 об.]. Что и было священником исполнено.

Добрые труды подвижников церковного благочестия и радетелей государственного благосостояния в последующие годы не получили желаемого развития. После распоряжения об отложении созыва Всероссийского собора на неопределенное время активность церковной жизни повсеместно несколько понизилась, а разрушительной деятельности — возросла. И в селе Автодееве созидательным усилиям священника все более препятствовала деятельность антицерковно настроенных сельчан, перешедшая в активную фазу.

14 января 1909 г. отец Михаил получил пространное анонимное послание, написанное в ответ на его проповедь в день Рождества Христова. Начиналось оно с утверждения, что поучения священника являются не соответствующими его обязанности. «Вы не умиротворяете своими поучениями народ, — писал анонимный автор, — а делаете вражду и недовольство в нем, и толкуете не как истинный пастырь, полагающий душу за люди своя, а как наемник» [ГУ ЦАНО. Ф. 1025. Оп. 2271. Год 1910. Ед. хр. 1 Л. 81–82 об.]. И далее на нескольких страницах предъявлялась масса обвинений, украшенных цитатами из Священного Писания, порой совершенно бездоказательных, порой бессвязных, в адрес не только отца Михаила, но и Церкви Христовой. Кроме необходимости разбора догматических натяжек и несуразностей письмо потребовало от священника выяснения канонически дозволенных границ участия авторов анонимного текста и единодушных с ними лиц в церковных таинствах.

9 февраля 1910 г. отец Михаил послал об этом почтительнейшее представление епархиальному архиерею, архиепископу Нижегородскому и Арзамасскому Назарию (Кириллову). 23 марта, ознакомившись с содержанием письма, владыка благословил передать его на рассмотрение совета Братства Св. Креста [ГУ ЦАНО. Ф. 1025. Оп. 2271. Год 1910. Ед. хр. 1. Л. 80 об.].

5 апреля отец Михаил послал совету Братства и его главе епископу Балахинскому Геннадию (Туберозову) представление следующего содержания:

«...как видно из прилагаемого при сем анонима, проповедь антихристианства и анархии дошла и до сел, и притом уже пустила здесь глубокие корни.
<...>

Главным двигателем и исходным пунктом этого направления является бывший учитель Автодеевской земской школы Василий Лопушихин [крестьянин села Лозина Ардатовского уезда Нижегородской епархии], административно уволенный от этой должности в сентябре 1908 года. Теперь он все же учителем, кажется, в дер. Голяткине Ардатовского уезда¹⁶. <...>

Посему я осмеливаюсь представить на благорассмотрение Вашего Высокопреосвященства сделанный мною в двух проповедях разбор ходячих мнений, которые дали свой отзыв в прилагаемом мною анониме. Если разбор этот пригодится в миссионерских целях и Братство Св. Креста найдет возможным опечатать этот труд, то я осмелился бы просить Ваше Высокопреосвященство, не найдете ли Вы возможность сделать широкое распространение этого разбора путем бесплатной раздачи по селам епархии.

Кроме того, осмелюсь просить у Вашего Высокопреосвященства архипастырского разъяснения, как мне поступать в приближающейся четырехдесятнице при исповеди лиц, известных мне как продолжателей дела Лопушихина, относящихся к христианской вере отрицательно и не только скрытно в своей душе, но и по всему приходу распространяющих эти идеи в устных беседах. Могу ли я не допускать до св. причастия подобных лиц, буде они сознаются в своем неверии и распространении подобных идей в приходе (с внешней стороны они неуязвимы: церковь посещают, иные часто, но в прошлом году один из них высказал мне на исповеди же, что на исповедь смотрит лишь как на обряд и потому только идет на исповедь, что другие идут)» [ГУ ЦАНО Ф. 1025. Оп. 2271. Год 1910. Д. 1. Л. 76–77 об.].

В ответ на это сообщение из совета Братства поступило определение:

- «1 представленные священником церкви села Автодеева Ардатовского уезда Михаилом Критским рукописи передать на рассмотрение и заключение членов Совета Братства Св. Креста. <...>
- 2 уведомить о. Критского, что он должен принимать все пастырские меры к вразумлению своих пасомых, отрицающих установления Св. Православной Церкви; упорствующих же из тех в своих заблуждениях и, в частности, относящихся к таинству св. причащения как к обряду не допускать к св. причастию. <...>

*Председатель Совета епископ Геннадий
члены Совета [подписи]» [там же].*

Трудностям церковной жизни сопутствовали социальные проблемы. Сельской, а иногда приезжей интеллигенцией в деревнях насаждались антиправительственные настроения и революционные идеи. Уже в 1911 г. большая группа крестьян села Автодеева, деревень Михайловки, Теряевки и Кармалейки была увлечена идеей захвата земли у помещиков и свержения

¹⁶ В деле приложена справка Ардатовского уездного наблюдателя за церковно-приходскими школами протоиерея Владимира Магнитского, подтверждавшая, что Василий Матвеевич Лопушихинский состоял учителем начальной школы в деревне Голяткине. Летом 1908 г. Нижегородское губернское жандармское управление провело исследование политической благонадежности Лопушина и трех автодеевских крестьян, проводивших противоправительственную пропаганду, подтвердившее это предположение [ГКУ ЦАНО. Ф. 918. Оп. 1. Ед. хр. 762. Л. 5, 8, 11].

самодержавия [ГКУ ЦАНО. Ф. 918. Оп. 1. Ед. хр. 861. Л. 5, 57, 58]. Они были «просвещены» учителями Автодеевской, Дубровской, Сиязьменской и Кар-малейской земских школ.

Обстоятельства времени требовали от каждого священнослужителя напряженной церковно-общественной работы и еще более усиленной проповеднической деятельности.

Отец Михаил делал что мог. «Во все годы своего служения с неослабевающей ревностью назидал он свою паству проповедями и поучениями. В слове на новый 1911 год батюшка говорил о том, в чем должно состоять обновление нашей жизни, на Крещение — исполняем ли мы обеты, данные при крещении, в Недели Великого поста, в воскресные и праздничные дни, говорил об истинном покаянии, о силе Честного и Животворящего Креста, о том, как должно по-христиански проводить праздники, о благодатных дарах Святого Духа» [ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1911. Ед. хр. 12. Л. 32]. Тогда же он был еще законоучителем в Ардатовском народном училище [ГКУ ЦАНО. Ф. 332. Оп. 1. Годы 1912–1913. Ед. хр. 205. Л. 14]. К Пасхе 1911 г. отец Михаил был награжден скуфьей [ГУ ЦАНО. Ф. 1016. Оп. 2. Год 1911. Ед. хр. 58. Л. 1 об.].

На отца Михаила, как пастыря благоразумного и надежного, возлагалось послушание помощника благочинного и члена благочиннического совета, которое священник исполнял с 24 октября 1914 г. по 30 марта 1917 г.

14 мая 1916 года «за заслуги по духовному ведомству церкви села Автодеева Ардатовского уезда священник Михаил Критский» был награжден камилавкой [Нижегородский церковно-общественный вестник, № 20. Стб. 378].

Как ни странно, насыщенная деятельность в противостоянии разрушительным началам жизни и веры не мешала духовному возрастанию священника. Со временем верующие стали отмечать случаи прозорливости своего духовника [Анастасия (Кулакова). С. 31–32].

Так в Первую мировую войну жительнице села Автодеева Екатерине Погодиной принесли письмо о смерти мужа. Она горевала безутешно. Отец Михаил пришел к ней и сказал: «Не плачь. Жив твой муж, только ранен. Скоро получишь от него письмо, а потом твой Михаил и сам придет». Все так и сбылось [там же. С. 31].

Однажды раба Божия Татьяна увидела, что по её огороду идет отец Михаил. Она выбежала из дома ему навстречу. Батюшка ей: «Здорово, Татьянушка!» — «Здравствуйте, батюшка!» Он её зовет: «Пойди сюда, Татьянушка!» Чертит на земле план: «Погляди — вот церковь, вот алтарь. А около алтаря — гнилая колода. А ей тут не положено лежать. Поняла, Татьянушка?» И три раза повторил эти слова. Потом говорит: «А теперь погляди мне через плечо». Но она испугалась и не стала глядеть.

Вскоре она получила извещение, что её сын застрелился. Она поехала в Нижний Новгород. Ей показали могилу у алтаря церкви — точно там, где чертил отец Михаил и где покоиться самоубийце совсем не должно. Тут-то Татьяне открылся смысл того, о чем говорил ей священник [там же. С. 31–32].

В селе Атяшево жил в начале XX в. прозорливый старец-священник Николай. Монахиня Анастасия (Кулакова) рассказывала, что жившая в Автодееве её бабушка, тоже Анастасия, с двумя другими старушками пошла к нему за советом. А старец их встретил словами: «Зачем ко мне пришли? У вас свой великий столп есть — отец Михаил» [там же. С. 30].

Священник временами видел то, что было сокрыто от остальных людей. Он не только понимал, что отступление от веры неминуемо повлечет грозные последствия, но подчас знал, какие именно. Батюшка чувствовал себя обязанным предупредить людей. Но как?

Так начиналось его юродство. Лет на 80 раньше, в 1832 г., при свидании с блаженной старицей Пелагеей Ивановной Серебренниковой, имевшей дар прозорливости, преподобный Серафим Саровский сказал: «Иди, матушка, иди немедля в мою обитель, побереги моих сирот-то, и будешь свет миру, и многие тобою спасутся!» Слова эти остались напутствием всем призванным на подвиг юродства: на месте служения своего будь светом миру...

И слово отца Михаила как бы освещало во тьме будущего ожидавшие людей беды. Предупреждать о них заставляла священника тревога пастыря о судьбе овец своего стада, сострадание к ним, Христова любовь. О том, что прихожанам понять было невозможно, говорил он иносказательно, образно. Сельчане искали в словах духовного отца скрытый смысл, и он обязательно проявлялся, иногда быстро, а порой совсем не скоро, ведь духовным взором священник видел очень далеко.

Бывало, соберет отец Михаил ребятишек и пойдет с ними собирать колоски после уборки хлебов. Богатые нижегородские крестьяне не обращали внимания на упавшие колоски как на незначительную потерю, и действия священника им казались блажью. А в советские годы сами власти снимали учеников с уроков в школе и посылали на колхозные поля собирать колоски. Выросшие к тому времени дети поняли отца Михаила: предсказывал он им, что в нищете они рады будут упавшим на землю колоскам. А 7 августа 1932 г. был принят закон о репрессиях за хищение колхозного и кооперативного имущества, вплоть до расстрела с конфискацией всего имущества. Этот закон стал известен в народе как «закон о колосках» и даже как «закон о пяти колосках». Среди заключенных в тюрьмы в те годы появились преступники-«несуны», пытавшиеся принести домой что-нибудь съестное с поля или фермы, «парикмахеры» — женщины, уличенные в том, что на полях срезали ножницами колоски на кашу малым детям. Во втором случае младенцев лишали и еды, и матерей. Вот что предсказывал отец Михаил, когда прогуливался с ребятами по полям.

В другой раз, в самый разгар крестьянских работ, священник стал ходить по полям с саженью — как будто землемер, перемеряя землю и мешая всем в работе. Видя его странное поведение, люди недоумевали, но он как бы и не обращал на них внимания. Прошло время, и на этих полях появился советский чиновник. Стали делить землю и отнимать ее у помещиков, священнослужителей, затем «кулаков» и «середняков», а самих арестовывать: кого стрелять, кого высылать... Люди вспомнили отца Михаила: «Да что ж он прямо не сказал!» А кто бы тогда понял и поверил? Батюшка знал, что беда неминуема, и предупреждал, что бесполезно привязываться к земле.

Долго не хотел отец Михаил освящать амбар, построенный сельским товариществом. Когда его спрашивали о будущем, он, молча, возьмет сумку, пойдет к амбару и встанет, прислонившись к стенке. Позже колхозники приходили с сумками именно к этому амбару и выстаивали возле него очереди за пайком.

У старушки Анисьи заболел муж Александр. Она пришла к отцу Михаилу и стала просить: «Жалко мне мужа, помолиться бы о нем...» — «Давай помолимся, а лучше ли будет? Вымолить вымолим, а что дальше?» — сказал ей

батюшка. Она и отступилась. Вскоре и Анисья, и Александр умерли [там же. С. 32]. Начались гонения. А потом их детей раскулачили и выгнали из дома. Старички этого бы не перенесли, но их бедствие уже не коснулось.

В День Святого Духа жители Автодеева всегда ходили «на ключик» (на источник) Пресвятой Троицы. Отец Михаил веселый, нарядный с крестом в руках возглавлял крестный ход. А там уже дожидался народ, приходили из соседних деревень. Служился молебен. Столько народу собиралось, что воду после молебна вычерпывали до дна. А там три ключа било.

И вот на Троицу 1917 г., после отречения государя, к изумлению всех, после окончания молебна отец Михаил стал кидать в источник иконы. Прихожане смутились, кто-то осудил священника, кто-то испугался. Более того, нашлись и такие, для которых юродство священника, наглядное изображение им будущих событий стало поводом доноса, как для Иуды проповедь Спасителя. Но простые женщины-крестьянки не смели сомневаться и судить батюшку, а искали в его действиях и словах особый таинственный смысл. И он рано или поздно проявлялся. Действия юродивого ведь совсем не подчиняются привычной всем логике.

И вскоре по указанию властей те же крестьяне, которые приходили сюда молиться с отцом Михаилом, часовню сломали, иконы побросали в воду и засыпали землей, а источник завалили камнями, запрудили и превратили в водопой для скота [Краткая историческая справка... С. 3].

Рисунок 2. Троицкая церковь села Автодеева, современный вид.

Источник: фото Д. Воронова

Некоторое время людям еще могло казаться, что все идет почти по-прежнему, хотя Первая мировая, небывалая война уже принесла бедствия, до того не переживавшиеся. Жизнь необратимо менялась. Духовным сердцем России были монастыри, они почувствовали симптомы грядущих бедствий. Так, незадолго до революции один из насельников Оптиной пустыни вдруг увидел, что все деревья вокруг обители покрыты ликовавшими бесами, раскачивавшимися на их ветвях и распевавшими: «Наше время, наша сила!»¹⁷ Последовавшие события подтвердили основательность их торжества. Революция 1917 г. разрушила тысячелетие стоявшую православную твердыню — Российскую империю.

Но прежде Февральская революция открыла недолгий период иллюзий свобод и возможностей полезной общественной и церковной деятельности. Однако очень скоро антицерковная ориентация преобразований, вводимых Временным правительством, повсеместно стала осознаваться общественностью, равно как ложь, их сопровождавшая. В Ардатовском уезде священники второго благочиннического округа увидели беззаконие решений и действий проводившегося 15–18 мая 1917 г. Нижегородского чрезвычайного епархиального съезда.

И они направили в его адрес свой протест со следующими требованиями: «Действия означенного съезда, которым руководили не имеющие прав избранных депутатов чины Нижегородского объединенного комитета духовенства, считать незаконными и неприемлемыми — и присоединиться к группе протестующих духовенства и мирян, которые выразили протест как против участия Комитета объединенного духовенства на съезде, так и против действий съезда» [ГКУ ЦАНО. Ф. 1016. Оп. 2. Ед. .хр. 1. Л. 195–195 об.]. В числе священников, подписавших этот протест, стоит и подпись села Автодеева священника Михаила Критского.

Как известно, вся борьба за проведение действительно необходимых реформ ни к чему не привела, так как февральские «свободы» были уничтожены Октябрьской революцией.

Декретом о земле, написанным В.И. Лениным и принятым уже ночью с 26 на 27 октября 1917 г. Всероссийским съездом рабочих и солдатских депутатов, частная собственность на землю отменялась. Вся земля — не только частные помещичьи имения, но и земли удельные, *монастырские, церковные со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и принадлежностями без всякого выкупа* переходили в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов впредь до разрешения Учредительным собранием. Декрет стал стимулом крестьянских погромов множества имений и расправ с их владельцами самосудом.

«Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета. — писал Святейший Патриарх Тихон. — Изнемогает наша Родина в тяжких муках, и нет врача, исцеляющего ее. <...> Грех помрачил наш народный разум, и вот мы ошупью ходим ныне во тьме, без света, и шатаемся, как пьяные (Иов. 12, 25)... Грех тяжкий, нераскаянный грех вызвал сатану из бездны, извергающего ныне хулу на Господа и Христа

¹⁷ Об этом рассказывал в своей книге «Близ при дверях» С. Нилус. И то, что власти незамедлительно признали книгу эту, посвященную совсем не политическим вопросам, контрреволюционной, свидетельствует лишь об их самоотжествлении с той бесовской силой, о грядущем торжестве которой она предупреждает.

Его и воздвигающего открытое гонение на Церковь» [Акты Святейшего Тихона... 1994. С. 144, 146]¹⁸.

20 января / 2 февраля 1918 г. Советом народных комиссаров РСФСР было принято постановление, согласно которому Церковь отделялась от государства. Казалось, декларировалась ее независимость. Согласно тексту, в пределах республики запрещалось издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы *стесняли или ограничивали свободу совести* или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан. Утверждалось *право каждого гражданина исповедовать любую религию* или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменялись.

Декрет воспринят был как утверждение свободы совести и сначала многими принят с одобрением и надеждой. Но тот же декрет во второй части своей предписывал: «Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах и *не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от его местных автономных и самоуправляющихся установлений.*

Принудительные взыскания сборов и обложений в пользу церковных и религиозных обществ, равно как меры принуждения или наказания со стороны этих обществ над их сочленами, не допускаются.

Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют.

Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием».

Декрет об отделении Церкви от государства, вступивший в силу 23 января (5 февраля) 1918 г., сформулировал основания для совершенного изживания Церкви и Христа из жизни нового советского общества. Первым свою подпись под ним поставил В.И. Ленин.

Прежде всего Церковь была лишена прав юридического лица. Начался все-российский погром. Все церковные счета в банках были присвоены властями. Захват капиталов Св. синода лишил жалованья служивших в церквях, пенсий — сирот и вдов. Из монастырей, храмов и домов священнослужителей вывозились оставшиеся денежные средства и все ценные вещи, запасы дров, хлеба, проса, картофеля, овощей и вина, рогатый скот и лошади, недвижимость и сельскохозяйственный инвентарь, а подчас и мебель и одежда. Сельское духовенство лишили источников питания — земельных наделов. Реквизировалась даже вода. До последней крайности доведена была его обострившаяся нищета.

Ответом на декрет стало послание к русскому народу Святейшего Патриарха Тихона об анафематствовании творящих беззаконие, гонителей веры и церкви православной. Противостоять всеобщему насилию и разгрому могла только усиленная соборная молитва Церкви. По благословию временно возглавлявшего тогда Нижегородскую епархию епископа Лаврентия (Князева)¹⁹ в ответ на обращение Святейшего на Сретение Господне 1918 г. в Нижнем Новгороде прошло множество крестных ходов. На них служились молебны об умирении страстей. Тогда же владыка Лаврентий, уже известный

¹⁸ Послание Святейшего Патриарха Тихона «Всем чадам Православной Российской Церкви» от 16.07 (08.08) 1918 г.

¹⁹ Епископ Лаврентий (Князев) прославлен Церковью в лике священномучеников.

деятель нравственного и церковно-общественного просвещения народа, обратился к верующим со словом о мирной борьбе против врагов веры и Церкви.

Но исполнять благословение архипастыря стало очень трудно. Ограбление крестьян контрибуцией оставило большинство из них почти без средств существования и топлива. Угроза голода вызывала в народе панику и жестокое отношение. Крестьяне готовы были и местами уже стали грабить все, что плохо охранялось. Удержание их от агрессии легло на плечи священнослужителей.

7 июня 1918 г. состоялся съезд духовенства Нижегородской епархии. Съезд принял решение протестовать против действий советской власти в отношении Русской Православной Церкви <...> Владыка направил протест епархиального духовенства в Совет солдатских и рабочих депутатов и нижегородскому коменданту... Ответа не последовало.

Летом 1918 г. обстановка в губернии еще более осложнилась. Началась Гражданская война, охватившая почти всю территорию страны — от Волги до Тихого океана. Мятежи вспыхнули и в Нижнем Новгороде. Ленин направил председателю Нижегородского горисполкома письмо с требованием «напрячь все силы, составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и тому подобное... надо действовать вовсю: массовые обыски, расстрелы за хранение оружия» [Тихон (Затекин), 2012. С. 179–180]. Во исполнение сего приказания был создан Военно-революционный комитет, которому передавалась вся власть в городе и провинции. Во всех уездах Нижегородской губернии были образованы чрезвычайные комиссии. Всероссийская ЧК потребовала от нижегородцев «наведения революционного порядка... не останавливаясь ни перед чем» [там же. С. 179].

Миротворческая позиция Церкви, пользовавшейся безусловным авторитетом подавляющего большинства населения, была помехой для деятельности организаторов красного террора. Осенью 1918 г. в Нижнем Новгороде было арестовано около 700 человек священнослужителей, интеллигенции, чиновников в качестве заложников для наведения «революционного порядка». Началась газетная травля епископа и священнослужителей за «контрреволюционную агитацию» среди жителей сел и деревень с целью провокации народного восстания.

В этот период епископ Лаврентий служил часто и на каждой службе говорил проповеди. Три последние из них он заканчивал одними и теми же словами: «Возлюбленные братья и сестры, мы переживаем совсем особенное время — всем нам предстоит исповедничество, а некоторым — и мученичество».

В ночь с 17 на 18 августа по старому стилю перед судом военно-революционного трибунала предстал настоятель Оранского Богородицкого монастыря архимандрит Августин (Пятницкий). На неизменный вопрос о признании советской власти он ответил твердо: «Не признаю и никогда не признаю» [там же. С. 182].

18 августа архимандрит Августин был расстрелян, а с ним еще 41 человек. Епископ Лаврентий совершил в тот же день соборную панихиду по убиенным. А 3 сентября 1918 г. был арестован и он сам.

Празднование годовщины установления советской власти в Нижнем Новгороде было отмечено расстрелом епископа Лаврентия, произведенным в саду за зданием ВЧК [Леушин, 2001. С. 20]. Торжества властей, требовавшие для своей полноты убиения преданного служителя Христова, очень

напоминают празднование дня рождения Ирода, украшенное усечением главы св. пророка Иоанна Крестителя...

По окончании праздника тело священномученика Лаврентия было закопано на Мочальном острове либо возле него сброшено в Волгу [Тихон (Затекин), 2012. С. 208].

***

После убийства епископа Лаврентия Нижегородскую епархию возглавил архиепископ Евдоким (Мещерский), сразу обратившийся к председателю Нижегородского губисполкома с предложением о сотрудничестве [Евдоким]. Иллюзии в отношении нового архиерея, если и были у отца Михаила Критского, скоро рассеялись. В декабре того же года владыка созвал Чрезвычайный общепархиальный съезд. На этом съезде, проходившем под председательством правящего архиерея, было принято «единогласное постановление» — благодарить гражданскую власть «за участливое и отечески заботливое отношение к собравшимся».

«Вначале это не укладывалось в уме. Мы воспитывались так, чтобы и в мыслях нельзя было начальство осуждать, тем более ему противиться», — писал новый Балахнинский епископ Варнава (Беляев). Но архиепископа Евдокима поставила на кафедру каноническая высшая церковная власть. Отец Михаил Критский был обязан за него молиться и возносить его имя вместе с именем Святейшего Патриарха Тихона, что неопустительно исполнял.

Священник считал недопустимым прекращение молитв об убиенном государе, теперь «бывшем» императоре Николае Александровиче, молился о его упокоении на службах даже тогда, когда о царе вообще было запрещено упоминать.

Разрушение культурного наследия, созданного и за тысячелетие христианства накопленного русским народом, и расхищение богатства православной державы продолжалось и расширялось. В разных местах необъятной России декреты советской власти воплощались в жизнь по-разному — по усмотрению местных властей. В Дивееве сначала было тихо, случаев грубого разбоя не было. Хотя в начале 1918 г. земли Серафимо-Дивеевского монастыря были взяты на учет новой властью, но до конца лета 1918 г. монастырь ими беспрепятственно пользовался. Но осенью по инициативе архиепископа Евдокима было проведено совещание представительниц женских монастырей, на котором они были поставлены перед необходимостью преобразования всех женских обителей и общин в «сельскохозяйственные коммуны».

Тогда же комиссаром Куракиным была составлена подробная опись всего церковного имущества, монастырь закрыт и преобразован в советское хозяйство. Созданный в марте 1918 г. Дивеевский совхоз в монастырские дела не вмешивался, тем более что с марта до начала августа 1918 г. его возглавлял агроном С.И. Смирнов, сын священника Иоанна Смирнова.

Так, несмотря на многообещающие перемены, к которым сестры стремились как-то приспособляться, в первые месяцы после революции жизнь обители оставалась относительно спокойной. Но в августе 1918 г. начался призыв трудоспособного мужского населения уезда в Красную армию. А «в начале... (1919) года уземотделом из монастыря была взята большая часть скота и лошадей».

А кто и как будет собирать урожай? Арзамасский уездный исполком имел инструкцию о мобилизации на трудовой фронт буржуазии [Тихон (Затекин), 2012. С. 284] и решил дело просто. В конце августа 1919 года на имя начальника дивеевской милиции пришла телеграмма начальника милиции из Ардатова Левикова следующего содержания: «Предлагаю 1 сентября выслать полевые работы монашек рабочих Дивеевского монастыря в Ичаловскую волость 300 человек Стековскую 300 точка Курихинскую майданскую 50 точка Скита Кременковскую 30» [Георгий Павлович, 2017. С. 284], то есть практически всех трудоспособных сестер.

Но к этому времени состояние монастыря резко ухудшилось. С начала Гражданской войны по распоряжению Всероссийской ЧК в Нижегородской губернии был наведен «революционный порядок». В частности, по указанию В.И. Ленина повсеместно проведена смена лиц, занимавших ответственные должности или составлявших охрану, чтобы на их места «поставить надежных» [Тихон (Затекин), 2012. С. 180]. Тогда С.И. Смирнов был отстранен. А новый заведующий Дивеевским совхозом некий И.М. Катков сразу же предпринял ряд действий, враждебных по отношению к общине. Это их следствием стал отказ монастырского совета Левикову на следующем основании:

«В ответ на отношение от 30 августа за № 840 Совет уведомляет Вас, что присланная Вами копия телеграммы объявлена нашим сестрам С-Дивеевского монастыря, которые высказали, что с 16 августа завхоз Катков не выдает им хлеба, вследствие чего они настолько истощены, что идти на расстояния десятка верст не в силах, и чтобы это сделать, необходимо, по крайней мере, с неделю их настоящим образом накормить. Кроме того, у них остается несжатый просо в поле, не убраны покосы на лугах, не сжат овес, не вырыт картофель, не убраны капуста и огородные семена и не обмолочена сжатая на гумно рожь. От молотыбы ржи завхоз устранил их и нанял посторонних людей, уборка же остального производится, так что сестры в недоумении — почему их всех хотят послать в разные стороны, когда они еще не закончили своих полевых работ, которые они могут производить здесь на месте, хотя и с истощенными силами, потому что они сменяют друг друга для отдыха» [Георгий Павлович, 2017. С. 284].

Ничто к лучшему не изменилось, Катков не позволял сестрам пользоваться хлебом с монастырских складов, им опечатанных, так что они продолжали голодать...

Видя непрекращающиеся репрессии, монастырский совет подал жалобу в Нижегородское бюро жалоб Госконтроля. Одновременно в Москве член Всероссийского церковного собора профессор Н.Д. Кузнецов подал жалобу в Центральное бюро жалоб. В результате этих действий в Дивеево была послана комиссия, возглавленная юрисконсульт-следователем П.В. Васильевским. В своем отчете он писал: «Расследованием, произведенным мною совместно с членом рабочей инспекции Военпродбюро т. Ивановым, делегатом Ардатовского отделения Совета профессиональных союзов служащих т. Лубочковым и членом следственной части Нижегородского губернского революционного трибунала т. Петуховым, найдено следующее:

...Подтвердилось, что в начале текущего года уземотделом из монастыря была взята бóльшая часть скота и лошадей, вследствие чего сестры-послушницы, имея заверения разных должностных лиц в том, что посев, ими сделанный в этом году, будет снят в свою пользу, — произвели посев хлеба, проса, картофеля и пр. в значительной доле из семян, приобретенных на личные средства, обработав землю частью нанятыми лошадьми, частью (10 десятин) своими руками посредством лопат и удобрив свою землю навозом, привезенным на телегах, в которые сами запрягались. Несмотря на это, урожай был взят семотделом, а хлеб и картофель выдаются в количестве по усмотрению заведывающего совхозом только тем, кто на текущий день занят на молотилке, скотном дворе и пр. Остальные сестры, работавшие в поле, голодают и не могут пользоваться даже тем картофелем, который ими посажен под окнами жилых корпусов. Так делается, несмотря на распоряжение губземотдела предоставить посев в пользу монахинь. <...>

Найдено, далее, что в совхозе сведений о количестве засеянной земли нет, что учета урожая не ведется и он тратится бесконтрольно райсовхозом и заведывающим совхозом. Вся администрация совхоза берет для себя хлеб, молоко и другие продукты в неограниченном количестве. <...>

Вполне подтвердились жалобы сестер на лишение их воды: оказалось, что в некоторые жилые помещения и мастерские прекращен отпуск воды и сестрам запрещалось даже брать воду из водоразборного крана при конной водокачке, хотя воды было достаточно для сего, особенно в дни, когда водокачка работала полный день. Последнее обстоятельство опровергает ссылку заведывающего т. Каткова на недостаток лошадей как на исключительную причину запрещения пользоваться водопроводом, — причину, которая, казалось бы, должна повлечь за собой возвращение в Дивеево хотя бы части реквизированных лошадей. Служащим при водокачке заведывающим т. Катковым не позволялось отпускать воду для послушниц под угрозой ареста служащих и отправления в Ардатов. Сестрам приходится ходить за водой, ввиду незначительного количества воды в колодце, на речку, к моменту нашего осмотра почти пересохшую. Немного повыше монастыря в этой речке мочится неделями лен и конопля, и вода делается, полагаю, мало пригодной для питья. <...>

Учреждения, как будто принятые в свое ведение соответствующими учреждениями: больница — отделом народного здравия, а приют и богадельня — отделом социального обеспечения, до сего времени состоят на довольствии райсовхоза и видимо зависят от усмотрения т. Каткова, который во время нашей работы в Дивеево лишил, например, больных хлеба за непредставление ими именного списка, хотя именной список всех послушниц имеется, только без указания профессии, которая для ссыльных на время их болезни бесполезна. На нашу телеграфную просьбу отменить распоряжение Каткова и дать больным хлеба, обращенную к райсовхозу, мы ответа не получили... Впоследствии тов. Смирнов сообщил о посылке непосредственно в совхоз ответа, удовлетворяющего нашу просьбу. Во всяком случае больные оставались некоторое время без хлеба, даже ржаного, хотя могли бы претендовать на пшеничный, который в совхозе имеется, но кем потребляется — неизвестно.

Установлен лишь увоз Катковым 5 пуд. пшеницы.

Тов. Катков оставил больницу и без мыла. Мыло, предназначенное монастырем для больницы, тов. Катковым было расхищено, и белье там приходится стирать глиной. Отношение тов. Каткова и райсовхоза к монахиням

оставляет желать лучшего: тов. Катков допускал и угрозы арестом, и даже избил одну из послушниц до того, что она по собственному выражению "точно мозгами тронулась" и "все боится Каткова". <...>

Поэтому уземотдел, учитывая недостаток у него опытных работников и нецелесообразность взятия в свое ведение неизвестного хозяйства, не имел основания настаивать перед губсовхозом о заключении монастыря в Дивеевское советское хозяйство в текущем году (в августе месяце!), особенно принимая во внимание, что посев произведен послушницами своим трудом, в значительной доле из своих личных семян; что взятие монастыря в советское хозяйство противоречит даже июньскому постановлению совещания при уземотделе; что это нарушает обязательство... лиц и учреждений, обещавших предоставить урожай послушницам, и что это, в конце концов, нарушает лозунг нашей республики "Не трудящийся, да не ест", лозунг, могущий быть замененным другим: "Трудящийся, да пусть воспользуется плодами своих трудов"» [Георгий Павлович, 2017. С. 286–293].

Выводами комиссии местные власти были крайне недовольны. Председатель Ардатовского исполкома т. Пендюра и член президиума и секретарь Веселовский сообщили срочно вызванным представителям Дивеева, что «вызов так называемой следственной комиссии был связан с арестом т. Каткова, который вреден с политической и хозяйственной точек зрения, и посему исполком и ответственные политические работники Ардатова постановили приостановить действие комиссии вызовом ее из Дивеева. Затем исполком находит, что работа следственной комиссии без регистрации в исполкоме и сообщения ему цели приезда недопустима, недопустим и арест Каткова без ведома и разрешения исполкома... Последний находит сверх того неправильным вмешательство в настоящее дело члена следственного революционного трибунала, так как дело Каткова трибуналу неподсудно. А дело это должно решаться уездным центром — исполкомом, который от себя может представить его в трибунал, если сочтет нужным» [ГКУ ГАНО № 2. (Арзамас). Ф. Р-25. Оп. 1. Год 1919. Д. 102. Л. 54].

Так что, несмотря на заключение комиссии, водопровод оставался закрытым; ни хлеба, ни овощей послушницам не давали и Каткова оставили на прежнем месте. Ведь он был председателем местной ячейки коммунистов. Но все же тогда Нижегородский губисполком счел роспуск всех сестер Дивеевской трудовой артели нецелесообразным: решил, что достаточно удалить из него «паразитический элемент» [ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Год 1919. Д. 111. Л. 59]. Итогом попытки восстановить законность в управлении Дивеевским совхозом стал арест монахинь, составлявших совет монастыря.

Отец Михил не мог остаться равнодушным к известиям о беззакониях, совершавшихся в Дивеевском монастыре. Единственный из всех жителей округа, он предпринял попытку помочь дивеевским сестрам. Законоучитель с 20-летним стажем, священник, наверное, наизусть помнил слова Писания: «О человек! Сказано тебе, что добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Мих. 6, 8). Он и жил, руководствуясь ими. Батюшка стал собирать по деревням милостыню для сестер, хотя тем сразу нарушил новоустановленный закон, согласно которому «взыскания сборов и обложений» в пользу церковных и религиозных обществ запрещались. Проявление сострадательной любви к ближнему, помощь ему теперь преследовались. При желании милостыню всегда можно было отнести к категории принудительных сборов.

18 сентября 1919 г. отец Михаил был задержан в селе Кудлей и доставлен в местный совет. Собранные священником средства к сестрам, несомненно, не попали. Его показания были приобщены к переписке Ардатовского уисполкома по вопросу о контрреволюционной деятельности Серафимо-Дивеевского монастыря. Как предтеча будущих огромных следственных дел на лица, объединенные общим обвинением, здесь рассматривалась домошенная легенда о большом контрреволюционном заговоре дивеевских монахинь, в котором участвовал и отец Михаил. «Заговор заключался в том, что священник собирал милостыню для Серафимо-Дивеевского монастыря» [ГКУ ГОПАНО Ф. 25. Оп. 1. Д. 111. Л. 54]. О причине своих действий отец Михаил «объяснил следующее: собирать милостыню 18 сентября я пошел на монашек Дивеевского монастыря из чувств ответственности перед Богом на Страшном суде» [там же. Л. 60]. Его «преступление» этим не ограничилось. Увидев в помещении совета портреты вождей, повешенные на местах икон, и кощунственные плакаты (карикатура «Как поп помогает капиталистам»), священник был возмущен. Он сам на допросе рассказал об этих инцидентах так: «Когда меня пригласили в совет с. Кудлей, я, возмущаясь тем, что в совете икон нет, а висят лишь одни плакаты с посмеянием православной веры, как-то поп с крестом, портреты Ленина и Троцкого, я сорвал затем, что икон нет, и их ставят выше Бога, и я не мог вытерпеть этого. 19 сентября в управлении начальника милиции я сорвал плакат с попом и вырвал крест по тем же соображениям» [ГКУ ГАНО № 2. (Арзамас) Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 227. Л. 15]²⁰.

Конечно же, действия священника были вызваны не нетерпением, а той ревностью по Боге, с которой в священной истории действовали пророки. Ведь «Христово добро может быть иногда гневным, свято негодующим, обличающим зло, — оно и должно быть иногда таким огненным», — напишет позже свт. Иоанн Шанхайский, переживший эпоху богоборческого нападения на Церковь.

На 25 октября 1919 г. отец Михаил числился в списке лиц, содержащихся в 1-й Нижегородской тюрьме. Участь священника зависела от решения следователя: он мог оказаться перед судом Ревтрибунала. Но на этот раз поступок, опасный для него самого, остался без последствий. Тогда отца Михаила в контрреволюционной деятельности не обвинили, а сбор на монастырь классифицировали как «преступление по должности» [ГКУ ЦАНО. Ф. Р-56. Оп. 5. Д. 14а. Л. 40 об.]. К таковым относили кражу, пьянку, дачу взяток и строго не карали.

Священник был освобожден через шесть недель [ГКУ ГАНО № 2. (Арзамас) Ф. Р-92. Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 26] по амнистии в связи с годовщиной Октябрьской революции вместе с большей частью других заключенных, проходивших по делу о Дивеевском монастыре. Вернувшись в Автодеево, отец Михаил продолжал служить по-прежнему. В Клировых ведомостях и за 1919 г. о нем записано: «поведения отличного».

При всех обстоятельствах свои пастырские обязанности священник стремился выполнять неукоснительно. В их числе одной из самых важных была забота о продолжении духовного образования, просвещения крестьянских детей в условиях богоборческих гонений. Господь на все времена сказал: «Оставьте детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» (Лк. 18, 16.). Как раз этому препятствовала богоборческая власть.

²⁰ Это показание о. Михаил подписать отказался. Видимо, в своей записи следователь что-то искажил.

Еще 2 октября 1917 г. на заседании Священного собора Православной Российской Церкви обсуждался вопрос об отношении к закону советских властей, предписывавшему передачу церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения. И было принято постановление, во исполнение которого «Святейший синод определял: предложить епархиальным преосвященным разъяснить духовенству и мирянам, что церковные школы являются для православной церкви незаменимым способом распространения христианского просвещения и христианского воспитания и, в случае передачи ныне существующих церковных школ из ведения Церкви, *Церковь неизбежно вынуждена будет открывать свои школы вновь*» [Тихон (Затекин), 2012. С. 123–124; Нижегородский церковно-общественный вестник, № 30. Стб. 427].

Худшие предположения священноначалия оправдались. Второй частью декрета об отделении Церкви от государства было отделение ее от школы, исключение из школьных программ всего, что препятствовало формированию «нового человека». Преподавание Закона Божия было строжайше запрещено во всех государственных, общественных и частных учебных заведениях.

В ответ на этот декрет Святейшим Патриархом Тихоном и Священным синодом 7 (20) февраля 1918 г. было принято постановление о мероприятиях к сохранению духовно-учебных заведений, в котором говорилось: «...признавая необходимым приложить все заботы и меры к сохранению духовной школы в ведении Церкви 1) предложить епархиальным преосвященным всеми возможными способами выяснить православному населению особливую необходимость в настоящее время сохранения и поддержания духовной школы ввиду ее назначения как единственного теперь, при запрещении преподавания Закона Божия в светских школах, рассадника христианского просвещения и призывать духовенство и мирян на помощь духовной школе в ее тяжелых обстоятельствах и, где представится возможность, созвать экстренные епархиальные собрания, там созвать таковые не позже мая сего года...» [Акты Святейшего Тихона, 1994. С. 93; Деяния Священного Собора, 1918. С. 55].

Во исполнение постановления на очередном епархиальном собрании духовенства Нижегородской епархии, состоявшемся 2 августа 1918 г., было принято воззвание духовенства к сельским приходам, подписанное епископом Лаврентием. В нем напоминалась изначальная практика содержания приходами своего храма, служащего духовенства и всех находившихся при нем церковных учреждений. Владыка призывал православных христиан поспешить на помощь своей матери-Церкви: «...ей нужны школы для подготовки пастырей — дайте ей средства, у нее много бедных и престарелых — дайте ей возможность широко развить благотворительную деятельность» [Тихон (Затекин), 2012. С. 177–178].

Священнослужители стремились найти и предложить новые формы организации духовного образования приходской молодежи. В ответ на воззвание епархиального духовенства в субботу 7 ноября 1920 г. отец Михаил собрал церковный совет. Пришли 30 человек. «Незаконное» собрание, как будет сказано позже в заключении уполномоченного, было созвано «на почве неподчинения советской власти по отклонению советской школы I и II ступени и с лозунгами "Долой советскую школу, да здравствует церковная школа"» [ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 2ф. Год 1921. Ед. хр. 16. Л. 23].

Стиль изложения этого документа соответствовал умственному развитию автора, а последнее обвинение было ложным. Лозунги — способ

формирования примитивных трафаретов в мышлении людей и критерии его контроля. Отец Михаил был человеком образованным, дореволюционной культуры. Лексика и логика речи нового времени были ему чужды, такую терминологию он не употреблял. А писавший сие уполномоченный Семен Рафаилович Рипин был прежним аптекарским служащим. Иначе как по трафарету мыслить и говорить способен он не был... И адресаты его тоже. Они друг друга понимали.

Но, несомненно, на собрании обсуждалась необходимость и возможности продолжить преподавание Закона Божиего. Отец Михаил предлагал поначалу организовать церковную школу на дому, чтобы оградить души детей от духовного растрепания, надеясь, что тогда ученики перестанут посещать советские школы [ГУ ЦАНО. Архивная справка от 31.03.20003 № 227/01-16].

Планы священника имели серьезное основание. Среди предложений, поступивших в Св. синод еще в январе, было «представление собрания преподавателей духовно-учебных заведений Московской епархии о том, что, «решительно отказываясь подчиняться приказам большевиков и желая всеми мерами сохранить духовно-учебные заведения в ведении Церкви, они просят допустить временную передачу духовно-учебных заведений в собственность родительских организаций» [Акты Святейшего Тихона, 1994. С. 93].

Такова была единственная возможность продолжения существования церковной школы. Церковные советы уже имели опыт запрета местных исполкомов на преподавание Закона Божиего даже в церковной караулке на том основании, что «все религиозно-богослужебные здания являются собственностью республики и отдаются обществам верующих для строго определенных богослужебных целей, но не для преподавания Закона Божиего» [Конфессиональная политика... 2018. С. 143].

Оказавшись в почти безвыходном положении даже при выборе места духовно-просветительской деятельности, отец Михаил, в полном единодушии с педагогической корпорацией и многими законоучителями, готовился использовать оставшиеся возможности для устройства церковной школы, настойчиво созывая «незаконные» собрания церковного актива. Определение Священного синода и воззвание убиенного епископа Лаврентия не теряли для него своей актуальности.

Но сменивший владыку Лаврентия архиепископ Нижегородский Евдоким собрал в декабре 1919 г. Нижегородский епархиальный совет, который под его руководством принял резолюцию «о подчинении советской власти не за страх, а за совесть... и способствовании проведению в жизнь декретов советской партии об отделении Церкви от государства, о свободе религиозного совета, религиозных общин епархии».

Попытка отца Михаила помочь страждущей Церкви была пресечена.

Старожилы села Автодеева рассказывали, что арестовали священника Михаила на «зимнего Николу», 19 декабря 1920 г. Его предали двое. Один — из местного прихода, а другой — из деревни Вишневая. Как Иуда, приведший воинов, готовых арестовать Христа, эти двое вошли в храм, и за ними милиция. Отцу Михаилу дали дослужить службу, а потом забрали. Верующим сказали, что он-де *не в своем уме*.

Видимо, юродство священника стало соблазном и стимулом предать его в руки властей — чтобы «разобрались». Существующие и поныне защитники и сторонники Иуды утверждают, что он поступил законопослушно: передал

Христа духовным властям, чтобы разрешить свои сомнения в праведности Спасителя мира. Но, как известно, в итоге Иуда покончил с собой и умер отвратительной смертью. А в автодеевской церкви у одного из тех, кто предал батюшку, в момент ареста перекошилось лицо. Возмущенные односельчане призывали его покаяться. Испуганный наказанием и обличением Божиим, он сознался в своем предательстве, раскаялся, и лицо приняло прежнюю форму. Дальнейшая судьба предателей неизвестна. Но в числе святых Нижегородской земли они точно не значатся...

За два дня до ареста священника, 17 декабря 1920 г., по предварительно организованному «настойчивому требованию трудящихся» в Саровском монастыре было произведено тяжкое кощунство — вскрытие раки с мощами преподобного Серафима. На святые мощи преподобного была наложена наскоро сделанная деревянная рама со вставленными в неё кусками тонкого стекла. Раму опечатали четырьмя сургучными печатями. Святые мощи лежали необлаченными.

Еще 10 сентября 1920 г., предвеля события, свт. Патриарх Тихон обратился с письмом к М.И. Калинин, в котором настоятельно просил: «Соблюдайте ваши же указанные в конституции законы о веротерпимости и свободной совести, отмените невозможный для Церкви циркуляр НКЮ от 25 августа²¹ о ликвидации мощей... не переступайте сами черты недозволенного для христианина, не делайте его гонителями и не делайте нас мучениками» [Конфессиональная политика... 2018. С. 141]. Но для богоборчества границ дозволенного не существует.

Вряд ли совершившееся святотатство было оставлено отцом Михаилом без обсуждения с прихожанами автодеевской церкви. Ведь прославление преподобного Серафима совершилось всего 17 лет назад, когда он уже служил в Автодееве. И он помнил, что святые мощи сохранились в виде костных останков, и это было неожиданным для тех, кто представлял их обязательно как не тронутое тлением тело. Вопрос о святости мощей тогда теоретически обсуждался. А последовавшие бесчисленные исцеления и чудеса в день прославления преподобного стали безусловным благодатным заверением народа в том, что каждая частица плоти святого свята.

Но теперь богоборческие власти всячески стимулировали демонстрацию вскрытых мощей, убеждая народ в их подмене и «вековом обмане». Совершалось это повсеместно, итогом должно было стать прекращение поклонения святыням. «Мощей нет! Мощи сгнили! — писали в газетах, комментируя протокол вскрытия, произведенного в Троице-Сергиевой лавре. — Верующие уже не плачут, не делают истерических выкриков и даже уже не злобятся на советскую власть. Они понимают, что никакого кощунства, ни, тем более, посягательства на святыню не совершено. Лишь раскрылся во всей своей наготе многовековой обман народа, и теперь каждому предоставлено право проверить то, во что он верил и чему поклонялся много-много лет. Монахи смущены и подавлены...» [Революция и церковь, 1919].

Неизвестно, соответствовало ли истине приведенное в газете описание, но далеко не на всех эта кощунственная кампания производила столь желаемое безбожниками впечатление.

В Сарове обнажение св. мощей преподобного Серафима вызвало взрыв негодования. Почитание Серафима Саровского и духовная связь с ним в Тамбовских и Нижегородских землях были слишком сильны. Постигшую

²¹ Циркуляр VIII отделения НКЮ губисполкомам о ликвидации св. мощей.

затем Поволжье страшную засуху и голод православное сознание связало со святотатством над святыми мощами преподобного²².

Мощи тогда не уничтожили, но закрыли стеклом и оставили на несколько лет в Сарове.

Путь на Голгофу

*Я не только хочу быть узником, но готов
умереть за имя Господа Иисуса Христа.*

Деян. 21, 13

В январе 1921 г. отец Михаил был освобожден. На Рождество Христово он, конечно, служил в своем храме. 30 января 1921 г. священник вторично созвал «незаконное» собрание: проблем, требовавших решения, становилось все больше. Староста храма снова предупредил отца Михаила о том, что собираться без ведома сельского совета они уже не имели права, «на что священник Критский ответил: "Я не подчиняюсь советской власти"» [ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 2ф. Год 1921. Ед. хр. 16. Л. 23]. Об этом диалоге сообщал донос на отца Михаила, соответствовавший культуре лица, его написавшего. Но несогласие священника с советской властью было передано верно. В истории репрессий неприятие богоборческой власти много раз звучало в показаниях верующих людей. Отец Михаил был бы полностью единодушен с реставратором московского Музея изящных искусств, утверждавшим на допросе: «Никогда не терпел и не терплю насилия, то есть то, что я вижу при современном строе... А именно: советская власть насильственно уничтожает религию и все с ней соприкасающееся... воспитывая молодежь в антиморальном большевистском духе»²³. Вопреки обстоятельствам, священник настойчиво пытался этому противостоять.

В феврале 1921 г. на отца Михаила Выксунское политбюро²⁴ завело следственное дело, и священник был вновь арестован. Но в ночь с субботы на воскресенье — с 26 на 27 февраля, — когда охранник, видимо, потерял бдительность, батюшка ушел из арестного помещения и вернулся в Автодеево [ГКУ ЦАНО. Ф. Р-2209. Оп. 3. Ед. хр. 13670. Л. 9]. 1 марта Церковь празднует память сщмч. Ермогена, Патриарха Московского, замученного в смутный период русской истории гонителями православия, захватившими тогда государственную власть в России. Возможно, именно в этот день отец Михаил особенно хотел помолиться в храме, и ему это в полноте удалось: на всенощную 28 февраля успел и литургию 1 марта послужил. В дальнейшем батюшка, не скрываясь, молился в своей Троицкой церкви.

В начале марта 1921 г. ардатовской милицией священник был арестован вновь, возвращен в Выксу и заключен в арестный дом по обвинению в неподчинении декрету, агитации против советской власти и неподчинении ее представителям.

На следствии предъявленное ему обвинение отец Михаил отрицал и сказал, что своим долгом считает учить народ Закону Божию, знает из Священного

²² 16 августа 1921 г. святые мощи преподобного Серафима все же были подобающим образом облачены и оставались в Сарове еще шесть лет.

²³ Банк данных ПСТГУ «За Христа пострадавшие».

²⁴ Ардатовское политбюро было организовано позже, в марте 1921 г.

Писания, что в последние времена будут гонения на христиан, и сам готов свидетельствовать о своей вере «даже до крови».

Но 10 марта, «считая священника Критского вредным элементом как противника советской власти и пребывание его среди крестьянской массы недопустимым, и должен нести свое заслуженное наказание» [ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 2ф. Год 1921. Ед. хр. 16. Л. 23], следователь Рипин постановил отправить его в распоряжение Нижегородской губчека для вынесения приговора. И 15 марта отец Михаил с двумя другими арестованными в сопровождении конвоира поехал в Нижний Новгород.

А через три дня, «1921 года 18 марта комендант губчека Травин составил... акт о том, что сего числа... явился конвоир милиционер Выксинской уездной милиции Храбров и заявил, что во время конвоирования трех из Выксинского политбюро Крицкого, Лобанова, Лашковой по дороге от политбюро в губчека Крицкий и Лобанов скрылись, воспользовавшись трудностью конвоирования Храбровым последних... По этому поводу Храбров дал следующие показания: «15 марта 1921 г. начальник Выксунской милиции Седунов назначил меня, Храброва, как милиционера, конвоировать арестованных Лашкову, Крицкого, Лобанова. А так как мне конвоировать по дороге весьма трудно следить за арестованными, то таковые воспользовались моей трудностью надзора за ними и скоплением народа на станциях Крицкий и Лобанов скрылись» [ГКУ ЦАНО. Ф. Р-2209. Оп. 3. Ед. хр. 13670. Л. 73, 75–75 об.].

Происшествие относилось к категории чрезвычайных, потребовало расследования. Подробности побега отца Михаила были описаны Храбровым на допросе 22 марта 1921 г.

«Когда я прибыл в город Муром на старый вокзал и стал выправлять документы на проезд до Нижнего, мне в станции вокзала проездного билета не дали и послали меня к коменданту г. Мурома... Я пошел в город к коменданту вместе с арестованными. Когда мне комендант выдал билет, я вернулся обратно на вокзал. На вокзале очень было много публики, тогда я пошел в первый класс. Стал взходить в первый класс. Поп шел позади меня; не успели затворить двери, поп уже скрылся в публике» [ГКУ ЦАНО. Ф. Р-2209. Оп. 3. Ед. хр. 13670. Л. 37–38].

И «...погнали Христа вон из города и повели на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его.

Но Он, прошед посреди них, удалился...» (Лк. 4, 29–30).

Евангелие не говорит нам о том, искали ли разъяренные иудеи скрывшегося в народе Спасителя, обвиняли ли Его в побеге от их «справедливого суда». Наверное, сколько-то времени искали. Но не было тогда на то воли Божией, и Христос продолжал Свою проповедь.

И неумный проповедник слова Божия тоже исчез, и не ради того, чтобы сохранить жизнь, а чтобы открыто продолжить свое служение. Конвоиру и в голову не могло прийти такое, и он искал о. Михаила с усердием. «Я тут же сдал остальных арестованных дежурному милиционеру при вокзале, — докладывал он, — а сам отправился искать попа по направлению в город Муром. Когда я прошел весь город и спрашивал несколько человек граждан, не видели ли они такового попа, мне граждане отвечали, что не видели. Я тут же пошел за Муром в слободу. Когда я стал подходить к слободе, мне встретился мужчина. Я его спросил: не видел ли ты попа? Он мне ответил: "Я видел. Таковой поп пошел в деревню Слободу, которая называется Вторая Слобода". Тогда я пошел в такую деревню прямо к председателю. Председателя дома не было. Я тут же пошел к заместителю. Заместителя тоже дома

не было. Таковой был на фабрике. Я тут же за ним послал мальчика и сам тоже пошел на фабрику передать по телефону в прочие деревни. Когда я вышел от телефона, возле фабрики стояли на лошади мальчик и девочка. Я их спросил: "Не видели ли вы попа, высокого, черного, в худой шапке?". Мне мальчик ответил: "Мы вчера ехали сюда; нам попался навстречу на поле таковой поп, ехал с мальчиком на лошади. Я... его спросил: "Куда вы, батюшка, едете?" — а поп ответил: "В такую-то деревню" (даже таковой нету и названия). Я, Храбров, по такому доказанию тут же вернулся обратно в город Муром на вокзал и подал депешу [в] Выксу, и отправился с двумя арестованными в Нижний. Приехал в Нижний в 4 часа с обеда, взошел [в] вокзал» [ГКУ ЦАНО. Ф. Р-2209. Оп. 3. Год 1921. Ед. хр. 13670. Л. 37–38].

Не желание избавиться от наказания губЧК за «антисоветскую деятельность» подвигло отца Михаила скрыться от конвоира. Не мог священник без сердечной скорби оставить свой храм на первой седмице Великого поста. К тому же во вторник 15 марта, в день его прервавшейся поездки в Нижний Новгород, Церковь отмечала память явления иконы Божией Матери, именуемой Державной, воспринятого верующими как обещание Царицы Небесной Самой сохранить Россию.

Тогда по вечерам во всех храмах совершалось чтение Великого покаянного канона преп. Андрея Критского, духовную связь с которым отец Михаил Критский несомненно ощущал. Два первых и таких важных дня Великого поста из-за отсутствия священника в автодеевской церкви службы не было. Отец Михаил спешил вернуться на свой приход — и успел. Последние два вечера он читал канон, в Неделю Торжества Православия служил литургию и уставный молебен с анафематствованием врагов Христовой Церкви, молился и сорока мученикам Севастийским... Еще две недели священник имел возможность открыто служить в храме.

Искать его было не нужно, так что позже на суде первый защитник его убийцы Баллод скажет, что «все побеги были неважные, потому что священник Крицкий во время побегов не скрывался, а находился в своем селе Автодееве, где и исполнял свою службу [ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 53].

8 марта 1921 г. дежурные Нижегородской ЧК рассмотрели следственное производство по делу № 17256 о гр. Храброве, обвиняемом в упущении при конвоировании двух арестованных. Постановили: «Храброва из-под ареста освободить, дело же в отношении бежавших и других виновных в этом деле продолжить» [там же. С. 77–77об.].

В третий раз отец Михаил был арестован 30 марта Ардатовским уездным политбюро. По преданию, в одной камере ардатовского арестного дома с ним находился человек из деревни Дубровка, член церковного совета местного храма. Позже с его слов монахиня Анна из того же села рассказывала, что священник посоветовал ему: «Читай псалом "Живый в помощи Вышнего..." 12 раз в день, и тебя освободят. Так потом и случилось.

В те страшные годы батюшка часто советовал людям, опасавшимся за свою жизнь, читать 12 раз подряд 90-й псалом: «Кто это исполняет, от того смерть убегает за 12 верст». И сам отец Михаил это правило неопустительно исполнял. Но перед отправкой с конвоем псалом этот он не читал. Крестьянин спросил: как же это он не прочитал? Священник ответил: "Я хочу пострадать за Христа"» [Петрушевская. Л. 22; Анастасия (Кулакова). Л. 33].

Теперь конвоирование его было поручено человеку надежному — сотруднику политбюро Дмитрию Георгиевичу Рушеву, бывшему слесарю-фрезеровщику Кулебакского горного завода. Как член 4-го чрезвычайного

коммунистического отряда особого назначения (ЧОН) Ардатовского уездного комитета РКП(б) (Укома) — «боевой единицы в рядах РКП(б)» [ГКУ ГОПАНО. Ф. 40. Оп. 6. Ед хр. 7. Л. 74–76] — Рушев имел право ношения оружия и получил наган.

Это был молодой человек, 29 лет, член РКП(б) Кулебакского подрайона, уже имевший опыт советской и партийной работы [РГИА. Ф. 37976. Оп. 1. Год 1967. Д. 14–302 ПУР. Л. 5–7 об.]. В 1917 г. он посещал нелегальные собрания и занимался разбрасыванием прокламаций, а в 1918 г. назначен Кулебакской партийной организацией в штаб Красной гвардии начальником отряда по подавлению кулацко-эсеровских элементов. В том же году мобилизован по партийной линии в Нижний Новгород для участия в ликвидации белогвардейских восстаний. Занимал должность коменданта Кремлевского участка, а затем политрука на восточном фронте против Колчака. По окончании военных действий Рушев был рекомендован для использования на организационно-административной работе. В 1919 г. по распоряжению парторганизации он поступил в распоряжение Ардатовского укома РКП(б).

В порядке следующего поручения в начале сентября 1920 г. Рушев был направлен в Личадеевскую волость для организации «культурно-просветительной» — массовой политической — работы в деревнях. Рушев занимал должность председателя посекома, то есть руководителя и контролера весенних работ крестьян. Неизвестно, кого он при этом культурно просветил, но с поручением не справился. И 15 февраля 1921 г., задолго до начала посевной кампании, Рушев подал заявление в уком РКП(б) с просьбой освободить его от этой должности, так как «не знаком с крестьянским бытом в обработке и засева полей... в крестьянстве не работал. Работу эту не знаю». Аргументация странная, поскольку родом он был из деревни Дубровка Новосельской волости Муромского уезда. Просьба Рушева была удовлетворена на следующем основании: «Имея в виду то, что тов. Рушев не обладает организаторскими способностями, отозвать его с работ в укоммунотделе» [ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 296].

Того же 15 февраля он писал в уездком РКП(б): «Я состою в Кулебакском заводе квалифицированным рабочим и прошу уездком направить меня на таковой завод... я в политической работе чувствую себя слабым, нужна временная передышка» [ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 45]. 18 февраля последовала резолюция: «Просьбу отклонить» [там же. Л. 45]. Ему нашлась другая подходящая сфера деятельности. Четыре-пять месяцев он работал сотрудником Ардатовской чрезвычайной комиссии, а затем был переведен в г. Выксу, в органы уездной милиции. 16 марта Рушев вновь просил уездкомотдел дать передышку от дел: «временно заниматься не могу и поехать по делам службы ввиду того, что чувствую себя слабым здоровьем с 15 марта с. г. и нервным расстройством» [ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 301].

Передышка опять не состоялась, и 30 марта он получил назначение, более соответствовавшее члену боевой единицы РКП(б), — быть конвоиром арестованного священника. С новой обязанностью Рушев справился очень быстро и профессионально: на следующий же день, 1 апреля 1921 г., около 5 часов вечера он позвонил со станции «15-я верста» начальнику милиции 2-го района Выксунского уезда Н. Плеханову и доложил:

«На дороге к казенной страже (к селу Полдеревка) арестованный кинулся бежать по просеке направлением в лес, которому он, Рушев, кричал: "Стой", а также произвел один выстрел из револьвера системы наган № 65439, но Крицкий, не обращая внимания, бежал, после чего я произвел два выстрела

по направлению убегающего Крицкого, который после второго выстрела упал и оказался мертвым. Прошу поднять труп Крицкого, каковой находится в лесу между кварталами № 247 и 233, в чем и подписуюсь» [ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 2ф. Ед. хр. 16. Л. 18].

Так окончилась жизнь священника Троицкой церкви села Автодеево отца Михаила Критского. Оставались неясными действительная причина и обстоятельства его смерти. А они определяли все.

Как оказалось, причины, достаточной для совершения убийства отца Михаила, могло и не быть, потому что доставить арестованного по месту назначения от конвоиров в 1918–1920 гг. вовсе не требовалось. Много лет спустя один из них, сопровождавший бывшего помещика, вспоминал:

В «предписании, бумаге за подписью председателя УЧК, значилось: "арестовать и доставить в распоряжение ЧК". Начальнику отряда при уездной ЧК "приказано было арестовать... и доставить в Моршанск, но при этом добавлено, чтобы он не стеснялся, если вздумают сопротивляться или бежать, прикончил бы на месте: никто спрашивать с тебя не будет". Конвоир так сначала и решил: «чем возиться с ними, прикончить... по дороге из Кулеватово в Отыясы». Но по причинам внутренним его намерения изменились, и до Отыяса он их не «прикончил». В Отыясах представители ЧК настаивали на том, чтобы арестованных по дороге расстрелять. Два часа (!) добивались на это согласия конвоира, который «твердо заявил, что ему поручено доставить их до Моршанска, и он это исполнит» [Давыдов, 2013. С. 51, 55]. Так и сделал, а двух других арестованных по дороге расстреляли. Просто так.

К 1921 г. времена несколько поменялись, самосуд стал облекаться в законные формы. Но суть дела не менялась, участь арестованного была в руках конвоира. Хотя теперь, по совершении убийства, требовалось не просто зарыть тело в землю, но провести его предварительное освидетельствование, Рушев был спокоен о своей дальнейшей судьбе. Заявленной им причиной расстрела был назван побег отца Михаила. Это выглядело вполне правдоподобно, поскольку при предшествующих арестах священник успешно скрывался от конвоиров.

По вызову Рушева начальник выксунской милиции Н. Плеханов явился на место преступления незамедлительно. «Оказалось нижеследующее: на расстоянии около двух верст с половиной от сельхоза Пушлей по дороге к селу Кулебаки, не доходя казенной стражи кулебакского лесничества так называемой полдиревский дом, около одной версты, на просеке между кварталами № 247 и 233, на расстоянии от сворота вышеуказанной дороги двухсот шагов, на снегу лежал труп убитого мужчины, по наружному виду от роду около сорока пяти лет, темно-русый, с длинными волосами, лежащий сверху животом²⁵, с вытянутыми ногами, головой на запад, каковая несколько повернутая направо, лицо окровавленное, левая рука лежала на груди, на каковой имеется отверстие раны пулей, правая рука полусогнутая сверху, указательным пальцем соприкасаясь груди, правая нога внизу под левой, одет в черную поношенную суконную длинную одежду образца монашеского, серые трепаные брюки, на ногах кожаные сапоги, около него с правой стороны вплотную лежала корзина круглая, в каковой лежали разные духовные книги,

²⁵ В последующем заключении будет написано, что о. Михаил лежал животом вниз. Это заявление ничем не подтверждено, причина его появления неясна, и к отчету об освидетельствовании тела оно никак не относится. Приводимое здесь освидетельствование было первым, в нем так четко и подробно описан внешний вид умершего, что сомневаться в его достоверности не приходится.

на расстоянии от головы в правую сторону одной четверти лежала шапка черная барашковая плохая, более же при осмотре чего-либо установить не представилось возможным» [ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 2ф. Год 1921. Ед. хр. 16. Л. 19], [о] вышеуказанном был составлен настоящий акт, который подписал.

Уже по внешнему осмотру было ясно, и Рушевым подписано, что отец Михаил, не имея возможности сдвинуться от направленного на него дула нагана, интуитивно прикрыл лицо рукой. Правая же рука была поднята, несомненно, чуть раньше — ее положение, вероятно, говорит о том, что отец Михаил хотел перекреститься перед смертью. Завершения крестного знамения Рушев дожидаться не желал и застрелил священника, когда его рука опустилась на грудь.

По распоряжению начальника милиции за телом отца Михаила ездил П. Соколов [ГКУ ЦАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Год 1921. Ед. хр. 13670. Л. 51].

2 апреля, второй день по гибели священника, был первой субботой Великого поста, когда Церковь совершает большую — родительскую — заупокойную службу и молится о всех почивших чадах своих. К их числу теперь принадлежал новопреставленный иерей Михаил.

А тело священника было препровождено в Кулебаки и положено в часовне, служившей, видимо, покойницей и находившейся возле больницы Кулебакского горного завода. Здесь оно должно было находиться до приезда народного следователя 3-го участка Ардатовского уезда Б.Г. Кузовлева, которому было предписано незамедлительно выехать для проведения следствия.

Того же числа Нижегородским губкомом партии было начато расследование по делу о взяточничестве Рушева, мобилизованного уездкомом по борьбе с бандитизмом [ГКУ ГОПАНО Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 47–47 об.]. Но в связи с только что совершенным значительно бóльшим преступлением продолжения оно не получило

3 апреля тело было им осмотрено в присутствии врача Кулебакской больницы доктора медицины Г.И. Зворыкина [Писарев, 1925. С. 98], начальника милиции 2-го района Выксунского уезда Н.А. Плеханова и понятых. «Причем оказалось: на левом виске овальной формы рана величиной немного более горошины, кругом раны волосы выпачканы кровью, при зондировании этой раны обнаружен канал в полость черепа, на противоположной стороне черепа в правовисочной области имеется такая же овальная рана, в краях которой ущемилась пуля продолговатой формы, свинцовая, соответствует величине раны типа револьвера системы наган. Кости в правовисочной области раздроблены, и несколько осколков можно было прощупать через кожу. Такого же характера две раны наблюдаются на левой руке в межпальцевом промежутке (между пятым и четвертым), причем на тыльной поверхности кисти близ этих ран кожа покрыта пороховыми частицами, внедрившимися в нее» [ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 2ф. Год 1921. Ед. хр. 16. Л. 24].

В соответствии с обнаруженным Г. Зворыкин пришел к заключению, что «описанные в протоколе раны по характеру огнестрельные, и найденная пуля подтверждает это. По найденной пуле можно установить, что выстрел был произведен из револьвера системы наган или вообще из какого-либо револьвера. Найденные на тыльной поверхности кисти руки пороховые частицы, внедрившиеся в кожу, указывают на то, что выстрел был произведен на весьма близком расстоянии. Что же касается того, было ли сделано два выстрела — в руку и в голову — или один, причем рука в момент выстрела была приложена к виску, сказать трудно. По характеру раны и той области

головы, где расположены обе раны головы, следует заключить, что смерть последовала от этих ран и была моментальная» [там же. Л. 24 об.].

Основываясь на данных медицинской экспертизы, Кузовлев пришел к выводу, что отец Михаил Критский был «убит не во время бегства его как арестованного, а на близком расстоянии, по произволу Рушева [там же. Л. 26 об.]. Постановил: мерой пресечения для Рушева избрать арест, поручив начальнику милиции 2-го района Выксинского уезда препроводить в Выксу, в арестное помещение при уездной милиции, в мое распоряжение» [там же]. Но в его распоряжение Рушев больше предоставлен не был.

Преданный член партии не был оставлен ею в беде. В тот же день, 3 апреля, представители Кулебакского подрайкома партии РКП(б) выдали расписку народному следователю 3-го участка Ардатовского уезда в том, они берут «с согласия подрайкома партии на поруки члена нашей партии т. Рушева Дмитрия Георгиевича, обвиняемого в убийстве священника Михаила Крицкого, и ручаются за него, Рушева, что он от следствия и суда уклоняться не будет» [там же. Л. 26 об.]²⁶. И Рушев арестован не был.

К тому же появилась возможность параллельного партийного рассмотрения его дела. На месяц раньше, 25 февраля, по распоряжению укома РКП(б) при нем был утвержден партийный суд, уполномоченный рассматривать все дела, касающиеся «проступков» коммунистов, получать все дела, вести следствия и выносить свои «предложения». Для своего следствия [суд должен был] «пользоваться аппаратом партийной организации» [ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 4 об.]. Так что будущее Рушева оказалось под охраной партии.

Казалось, обследование тела завершено и все выводы из него сделаны. Но 6 апреля, в соответствии с принципами организации партийного суда, было произведено повторное обследование и вскрытие тела священника. Освидетельствовавший его врач-эксперт, член компартии, председатель Выксунского политбюро (ЧК) Н.А. Иорданский²⁷ обнаружил еще одно ранение, почему-то не замеченное 3 апреля врачом Зворыкиным. Он пришел к заключению, *подтверждавшему версию побега*, о том, что «гр-н Критский был убит двумя выстрелами. Выстрел в спину должен был лишить покойного возможности держаться на ногах, но не был смертельным; выстрел в голову был произведен в упор и был причиной моментальной смерти» [ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 2ф. Год 1921. Ед. хр. 16. Л. 11].

Ясно, что только в том случае пуля, попавшая в левый висок, разрушит правый, если выстрел будет произведен в упор. При стрельбе со спины в убегающего человека, если пуля чудом и попадет в висок, то лишь заденет его или вылетит из головы в области лобовой кости.

Итогом рассмотрения обстоятельств смерти отца Михаила Критского стало постановление о предании Рушева суду, составленное следователем

²⁶ Вскоре такая практика была узаконена согласно Циркуляру ЦК ВКП(б), приложению к приказу ВЧК № 193 «О порядке привлечения к суду коммунистов» от 5 июня 1921 г.»; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 517. С. 354–355. Один из пунктов этого документа гласил: «Судебно-следственные учреждения обязаны освобождать коммунистов под поручительство партийного комитета, за персональной ответственностью тех членов РКП, кого на это поручительство уполномочивает комитет».

²⁷ Н.А. Иорданский, выпускник медицинского факультета Киевского университета, работал сельским врачом, затем городским врачом г. Усмани. Председатель Выксунского политбюро (ЧК), с 1915 г. заведующий Выксунской городской хирургической больницей. Скончался от сыпного тифа 4 марта 1927 г. [Нижегородский сборник здравоохранения. 1927. С. 149–150].

Б.Г. Кузовлевым. Он констатировал, что Иорданским «при медицинском осмотре и вскрытии трупа Критского были обнаружены три огнестрельных раны: одна на спине в области 2–3-го поясничного позвонка, другая на левом виске с выходным отверстием в правом виске и третья рана на кисти левой руки — сквозная — у основной фаланги четвертого пальца; в окружности второй и третьей ран кожа была покрыта внедрившимися в нее пороховыми частицами... В области первой раны оказался разбитым суставный отросток 2-го поясничного позвонка и разрушены внедрившейся пулей мозговая оболочка и вещество мозга; из полости этой раны были извлечены частицы ткани и обрывки ваты. В области височной раны часть теменной кости оказалась разбитой на мелкие кусочки, вещество мозга и мозговые оболочки оказались переполненными кровью, центральная часть мозга, спайка между полушариями и височные доли представляли из себя бесформенную кашицеобразную массу. В краях выходного отверстия этой раны на правом виске была обнаружена пуля, соответствующая по величине и форме револьверным пулям системы наган» [ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. Год 1921. Ед. хр. 16. Л. 27 об.]²⁸.

В заключение изложенного... *Рушев обвиняется в том, что во время попытки Критского на дороге между Ардатовым и Кулебаками бежать без всякой надобности, находясь в состоянии раздражения, произвел в голову Критского в упор выстрел из револьвера, чем и убил его наповал, в то время как ранее произведенным выстрелом Критский уже был лишен возможности бежать и скрыться, так как был ранен в позвоночник и не мог держаться на ногах.*

Вследствие сего названный Рушев подлежит суду народного суда 2-го участка Выксунского района» [там же. Л. 40].

Заключение экспертов лишало Рушева оправдания в совершенном им расстреле. Но оно не стало окончательным. И в дальнейшем, видимо не без советов защитника, Рушев дополнял свои показания следующим образом:

«...подбежавши к нему близко на расстояние 6 шагов, в это время *Критский стал вставать и намерен был бежать*, но я, Рушев, вторично нанес на него, Критского, револьвер, от которого он защищал себе голову левой рукой, и в это время я сделал выстрел, от которого он скончался» [там же. Л. 14].

«...На расстоянии не более 15 сажень произвел второй выстрел, уже целясь в Критского, после чего Критский упал, но *вскоре поднялся*; подбежав к Критскому, он, Рушев, не «удержался» и на расстоянии шагов восьми выстрелил в него в третий раз; в момент выстрела Критский закрывался от него рукой; после этого выстрела Критский упал и уже более не поднимался» [там же. Л. 39]²⁹.

А 9 апреля он говорил уже так: «Я же во время моего приближения к нему заметил, что Крицкий делал поползновение встать и бежать; у меня револьвер в это время был на взводе, и я, не удержавшись, выстрелил в него в третий раз в расстоянии шагов 8, причем *Крицкий в это время уже встал* и, увидя меня, целящегося в него, закрывался от выстрела рукой. После третьего выстрела Крицкий упал и уже не двигался» [там же. Л. 30].

²⁸ Только 5 сентября Кузовлев потребовал наган отобрать. Так что у Рушева с помощниками было время в подтверждение своей версии о трех выстрелах снабдить наган тремя стреляными гильзами.

²⁹ Показание Рушева на допросе. Из постановления о предании суду сотрудника Ардатовского политбюро Дмитрия Георгиевича Рушева по обвинению его в убийстве священника Михаила Критского.

Рушев был невежественным человеком, «свидетельствовал» так, как ему в голову приходило, не подозревая, что «дополнения» обличают его ложь. Как будет сказано в «Заключении по дополнительному исследованию...», Рушеву недоставало «жизненного профессионального опыта» (в чем? — Сост.). Но он обоснованно рассчитывал на тенденциозность следствия, которое для его оправдания поддержит его версию.

***

В ожидании рассмотрения дела в суде Рушев был возвращен домой в Кулебаки, восстановлен рабочим механического цеха Кулебакского завода и сразу избран секретарем партийной организации цеха.

27 апреля уездком РКП(б) ходатайствовал перед местным укомтруда об оставлении Рушева для работ в Ардатове [ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 421].

Но 22 мая 1921 г. на заседании президиума Ардатовского уездкома было постановлено: по запросу о «мобилизации одного члена партии в Саратовскую губернию для борьбы с «бандитизмом» (то есть с крестьянским повстанческим движением) мобилизовать тов. Рушева, которому предложить в 5-дневный срок выехать в распоряжение губкома. — Рушеву для исполнения» [ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 81]. С учета он снялся; возможно, в Саратов ездил, но через две недели был возвращен. Очевидно, хотели его отправить подальше, избавив от обвинения, но дело имело официальный характер, им не разрешили.

15 июня 1921 г. его дело рассматривалось на заседании Нижегородского губернского народного суда. И здесь «обвиняемый Рушев, подтверждая прежние показания, добавил, что в сильном раздражении выстрелил вторично в священника Критского, хотя совершенно *не имел в виду* (!?) убить насмерть арестованного, но *виновным себя в намеренном убийстве не считает* [ГКУ ЦАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Год 1921. Ед. хр. 13670. Л. 51]. Свидетель защитника Гусев, «доказывая невиновность в намеренном убийстве священника Критского, просил, в свою очередь, обратить серьезное внимание заседания суда на социальное положение товарища Рушева и священника Критского и на то нервное состояние товарища Рушева, как человека, поработавшего в общественной социальной жизни, в достаточной мере заслуживает полного снисхождения, а потому и настаивает на его оправдании» [там же. Л. 51]. А представитель Выксунского уездного политбюро товарищ Баллад, вызванный в качестве защитника, просил обратить внимание суда на служебные обязанности товарища Рушева и на священника Критского как вредного элемента в смысле пропаганды среди темных крестьянских масс населения...

В своей заключительной речи, завершая вымышленные показания ложью о непреднамеренности убийства, обвиняемый Рушев добавил, что «боясь, как бы *при побеге священник совершенно не скрылся из виду* и не знал, в каком состоянии ранен он вторым выстрелом, и *произвольным образом, без всякого умысла, получился выстрел в третий раз* в священника Критского, в которого совершенно *не был намерен стрелять* (?), будучи в нервном состоянии бежавшим за ним» [там же. Л. 51].

Так говорил тот же Рушев, который подписал акт осмотра тела отца Михаила, застреленного им в упор. Результаты врачебного освидетельствования трупа судом были полностью игнорированы, как бы «забыты». О них даже

упоминания не было. Ведь никогда бы Рушеву не оправдаться, если бы они были представлены на рассмотрение последующих судов.

Но с учетом всех описанных таким образом обстоятельств «нарсуд признал: смягчить меру пресечения Рушева, то есть лишить избирательного права с занятием должности на ответственных постах сроком на 3 года» [ГКУ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 2161. Л. 8об.; Ф. 2076. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 9 об.].

Смягчения меры наказания за убийство членам укома РКП показалось мало, и приговор был подан на пересмотр.

По-своему понимая исполнение поручительства, 24 июня 1921 г. Арда-товским уездкомом РКП Рушев, как ценный и подающий большие надежды кадр, был направлен на Высшие политические курсы в Нижнем Новгороде [ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 21; Ед. хр. 111. Д. 595] (Губсов-партшкола). Но, видимо, с этим поспешили — судимость снята не была. На следующий же день, 25 июня 1921 г., он был возвращен в Кулебаки в распоряжение подрайкома РКП [ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 21 об.], который предпринял необходимые шаги для восстановления партийного статуса Рушева. 7 сентября 1921 г. он был назначен командиром по прод-налогу [ГКУ ГОПАНО. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 14]. В подтверждение такого назначения 24 сентября 1921 г. бюро подрайкома, зачитав отношение нар-суда 2-го района Выксунского уезда от 13 сентября 1921 г. о судимости тт. Киселева, Кирюхина, Жбанова С.Н. и Рушева, приняло решение, что *имеющийся материал в нарсуде не влечет за собой исключение таковых из членов РКП* [там же. Л. 80]. После того 12 октября 1921 г. приказом милиции республики Рушев Д.Г. назначен секретарем Выксунского уездного совета рабоче-кре-стьянской милиции [ГКУ ЦАНО. Ф. Р-105. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 95 об.].

9 ноября 1921 г. его дело рассматривалось секретным отделением СОЧ Ни-жегородской губернской ЧК на совместном заседании с представителями губюста. Во внимание была принята лишь часть материалов, позволившая составить нижеследующее описание обстоятельств расстрела: «священник Критский, привлекаемый за контрреволюционную пропаганду и двукрат-ный побег из-под стражи, был направлен из г. Ардатова в Выксунское по-литбюро в сопровождении сотрудника тов. Рушева. Доехав с ним до села Пушлей, тов. Рушев, не получив там подводы, — отправился дальше пеш-ком. С ними шел также гражданин села Кулебаки тов. Ф.А. Шулайкин (член 4-го отряда особого назначения при Ардаатовском уездном комитете РКП(б)) [ГКУ ЦАНО. Ф. 1824. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 22]. Вскоре они присели отдыхать, арестованный священник попросил разрешения идти медленно вперед, так что они сумеют его нагнать. Тов. Рушев, зная, что Критский уже два раза бе-жал из-под стражи, не позволил и, сидя к нему спиной, стал переобуваться и не заметил, что арестованный в это время встал, тихонько пошел вперед, а затем бросился бежать. Это увидел Шулайкин, сказал Рушеву, и послед-ний, наскоро надев сапоги, побежал за священником, крича: «Стой!», но тот не останавливался, тогда Рушев выстрелил в воздух, но священник свернул с дороги и продолжал бежать в лес, тогда тов. Рушев, прицелившись в свя-щенника, выстрелил и попал ему в спину; он упал, но, увидя приближающе-гося Рушева, *снова бросился было бежать (обездвиженный! – Сост.)*, но выстрел Рушева *в упор (на бегу? – Сост.)* убил его наповал» [ГКУ ЦАНО. Ф. Р-2209. Оп. 3. Год 1921. Ед. хр. 13670. Л. 55–55 об.].

На основании таких очевидно неправдоподобных «сведений» было со-ставлено следующее заключение: «Рассмотрев вышеизложенный матери-ал, нахожу постановление нарсуда совершенно неправильным, так как при

вынесении приговора он руководствовался крайне односторонним материалом, не считаясь с теми данными, которые могли бы оправдать тов. Рушева, так как дают возможность рассматривать его поступок не как преступление, а как исполнение служебных обязанностей.

Суд не учел:

- 1 Что сопровождаемый арестованный представлял собой вполне выявленного врага советской власти, т.к., пользуясь авторитетом среди крестьян, он своей постоянной агитацией против власти мешал проведению в жизнь многих необходимых мероприятий и, будучи арестованным, два раза бежал из-под стражи.
- 2 Тов. Рушев, сопровождая такого преступника, естественно, все время должен был быть настороже, то и дело ожидая возможного побега.

Это обстоятельство заставило его быть в напряженно-нервном состоянии, которое, конечно, обострилось при виде убегающего священника, но все-таки тов. Рушев предварительно сделал предупреждающий выстрел, который не остановил священника, тогда боязнь выпустить его из рук заставила Рушева стрелять уже в беглеца, и, бывши очень взволнован, не отдавая себе отчета, помня только, что арестованный может скрыться, — он стреляет в третий раз, когда *раненый Критский пытается снова бежать*.

А потому, принимая во внимание вышеизложенное, нахожу, что в поступке тов. Рушева отсутствуют признаки преступления, и полагаю, что постановление нарсуда следует кассировать пред Всероссийским кассационным трибуналом на предмет освобождения тов. Рушева от наложенного на него наказания» [там же].

Ровно через месяц, 9 декабря 1921 г., на заседании коллегии Нижегородской губернской чрезвычайной комиссии слушали дело Рушева Дмитрия Георгиевича, сотрудника Ардатовского политбюро, члена РКП(б), «по обвинению в убийстве священника Критского на предмет вынесения приговора. И постановили дело передать в Совет народных судей для пересмотра на предмет отмены меры наказания» [там же. Л. 56]. В итоге ходатайства были удовлетворены, и убийца полностью оправдан.

14 декабря Рушев был откомандирован Нижегородским комитетом РКП(б) по телеграмме ЦКП в Москву в распоряжение политуправления республики и назначен на административную должность (по хозяйственной части) в политуправление Западного фронта [РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 14–302 пур. Л. 1–7] в г. Смоленск. В 1922 г. в г. Ржеве он был платным секретарем партийной организации, демобилизован. Рушев вернулся в Кулебаки в 1923 г. и был направлен в совпартшколу, а через шесть недель восстановлен на Кулебакском заводе секретарем партийной организации бандажного цеха. Жизнь вошла в спокойное русло...

***

Судебное разбирательство, потребовавшее так много изворотливости и лжи для устранения законных последствий, было позади. А народный следователь Борис Георгиевич Кузовлев, юрист с университетским образованием,

подписавший постановление о предании убийцы суду, партийным руководством не был оставлен без возмездия. Ведь он единственный утверждал, что отец Михаил был убит не во время бегства, а по произволу Рушева, практически в упор. Тем он полностью отвергал основание для оправдания убийства. Кузовлев сформулировал обвинение и сделал распоряжение об аресте убийцы, для отмены которых партийной организации потребовалось приложить очень много усилий. Уровень профессионального образования этого следователя значительно превосходил квалификацию остальных деятелей, привлеченных к оправданию Рушева. И заключение его по сильно замутненному делу было несомненно верным. Кроме того, Борис Георгиевич проявил себя честным в своем ответственном труде человеком. Возражать по существу ему никто не мог, и все оправдание было осуществлено путем перевода проблемы в совершенно другую сферу социальных отношений. Но убрать любого неудобного сотрудника власти всегда умели.

Уже с ноября 1921 г. он был лишен заработка. «Человек я крайне бедный, — писал Кузовлев, — и в настоящее время не имею даже возможности выехать из Н. Новгорода за отсутствием денег» [ГКУ ГАНО № 2. (Арзамас) Ф. 1718. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 14 об.]. Вследствие интриги начальника уголовного розыска Кулакова 4 августа 1922 г. постановлением президиума Выксунского исполкома Кузовлев был отстранен от занимаемой должности по «причине бывшего социального происхождения³⁰ и крупного разногласия с начальником уголовного розыска Кулаковым» [там же. Л. 12–13]. Дело было передано в трибунал. Просьбы к председателю Совнаркома разобраться в произошедшем остались безответными или до него не дошли.

9 октября 1922 г. Кузовлев, поставленный в совершенно безвыходное положение, был вынужден обратиться в президиум Нижгубсовнарсуда с заявлением о своем увольнении: «Не получив жалования за 8 месяцев работы в должности нарсудьи в г. Выксе и за 2 месяца по службе в г. Н. Новгороде и не будучи в состоянии больше существовать с семейством, работая без жалования и продовольственного пайка, прошу вышеназванный президиум освободить меня от занимаемой должности инструктора, каковую, кстати, не успел еще принять у своего предшественника. Кроме того, считаю своим гражданским долгом в открытую заявить, что должность инструктора для меня неприемлема в силу слабого моего знакомства с советским законодательством, а потому еще раз прошу освободить меня от занимаемой должности и выдать мне удостоверение о моей службе нарследователем 1-го участка Выксунского уезда с 20.07.20 г. по 4 августа сего года, с 4-го же августа по сие время в Нижгубсовнарсуде» [там же Л. 42–42 об.].

Приказом от 10 октября 1922 г. по Губернскому совету народных судей он был уволен с занимаемой должности по письменному заявлению о том. Жалованье ему было выдано после увольнения лишь за два последних месяца работы в Нижнем Новгороде — с 1 июня до 4 августа 1922 г. [там же. Л. 18–19]. А необходимое удостоверение о службе он получил только 10 ноября 1926 г. [там же. Л. 38–38 об.]

Казалось, подвиг священника Михаила Критского навсегда остался скрытым под грудой лжи, постановлений и приказов, уничтожавших свидетельства об обстоятельствах его смерти.

Единственно достоверным в показаниях Рушева являлось утверждение, что убийство было совершено им в состоянии нервной неуравновешенности.

³⁰ Кузовлеву припомнили его дворянство. И членом партии он не состоял.

В оправдательных документах она приписана напряжению при выполнении ответственного задания — двум вооруженным конвоирам довести одного безоружного священника в милицию города Выксы. За две недели до такого трудного поручения, 16 марта 1921 г., Рушев писал в коллегия укомотдела, что нездоров и «сможет только приехать при нормальном обстоятельстве и способности вести дело» [ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 301]. Поскольку он получил новое задание прежде установления «нормальных обстоятельств» и возвращения возможности вести дела, его заверения о состоянии раздражения при сопровождении священника представляются правдоподобными. По-видимому, действительной причиной убийства отца Михаила было озлобление духовно и душевно поврежденного конвоира, его богоненавистничество, разгоравшееся по мере выслушивания того, что священник говорил ему на пути.

Рассмотрение результатов обследования тела священника свидетельствовало о том, что показания Рушева во всех деталях ложны. Прежде всего, не вызывает доверия главная версия — о побеге отца Михаила, на которой было построено оправдание убийцы. Именно его и опроверг Зворыкин.

К такому же выводу можно прийти и независимо от экспертизы. Согласно рапорту и последующим заявлениям Рушева, священник побегал от него в то время, когда Рушев с другим членом ЧОН — спутником Ф. Шулайкиным сидели у реки и переобувались. Переобувались же они потому, что Шулайкин натер ногу и затруднялся в ходьбе, а Рушев дал ему часть портянки («хлопок»). Но то, что отец Михаил при ходьбе периодически снимает сапоги, идет по снегу и опирается на палку (согласно показанию Шулайкина), не вызвало у них ни малейшего участия и попытки выяснения причины, а только осуждение как ненормальность поведения. Очевидно, что разувался священник потому, что сильно стер ноги сапогами. Так сильно, что легче было освободить и, насколько возможно, остудить пальцы ног в снегу. Не случайно на отрезке пути, когда была подвода, он не шел, а ехал в телеге.

От речки Шилокши, возле которой переобувались конвоиры, до места расстрела было 3 километра. По данным Рушева, получалось, что отец Михаил побегал прямо оттуда. Не останавливаясь, на стертых ногах, с тяжелой корзиной в одной руке и палкой в другой, он бежал так быстро, что на всем этом расстоянии Рушев — молодой, здоровый и хорошо обутый молодой человек — не мог его догнать. А ведь изначально он отставал от священника всего на 80–90 шагов, то есть всего не более чем на 50–60 метров. И за 3 километра конвоир не мог преодолеть отделяющее его расстояние? А способен ли был в действительности Рушев без передышки пробежать описанный им путь?

Также получалось, что отец Михаил, будто бы желавший скрыться в лесу, 3 километра бежал вдоль опушки и в лес упорно не прятался, а затем свернул и побегал дальше. И опять не в лес, а по просеке.

Совершенно никаких доказательств подлинности описания Рушевым совершенного им убийства нет, и ни в какой детали — ни в том, кричал ли Рушев отцу Михаилу, стрелял ли в предупреждение, убежал ли отец Михаил, и ни в чем другом. Рушеву нужно было остаться безнаказанным, и он придумал правдоподобную версию. Правда, и в ней не сходились концы с концами, но этим пренебрегли.

Рисунок 3. Крестный путь отца Михаила от Автodeеева до места расстрела.

Источник: личный архив иерей Георгия Павловича

Когда тайное становится явным

*Отец Твой, видящий тайное,
воздаст тебе явно.*

Мф. 6, 4

Выяснившиеся подробности крестного пути отца Михаила непротиворечиво складываются в другую картину с иной мотивацией.

Незадолго до описываемых событий Рушев просил разрешения своего начальства на перерыв в своей «общественно полезной» деятельности по нервозному состоянию. Разрешение не получил. А священник, которого он конвоировал, не все время молчал. По свидетельству Ф.А. Шулайкина, батюшка говорил дорогой «всякие несуразности». Трудно сказать, пытался ли неукротимый пастырь в этот последний час своей жизни свидетельствовать о Христе, образумить конвоиров или обличал их. Неизвестно. Но известно, что Рушев был крайне раздражен. Выход был очевиден и уже произнесен одним из его предшественников на этом поприще: «чем возиться с ним — прикончить».

И видимо, это решение в действительности руководило дальнейшими поступками Рушева. Так что, переобувшись, конвоиры со священником продолжали идти. Никаких гонок не было. Если бы отец Михаил хотел скрыться в лесу, ему не было бы нужды бежать вдоль опушки, и притом так долго. Да и не скрыться в прозрачном весеннем лесу. Поворот на просеку не приближал его к лесу более, чем на всем предшествовавшем участке дороги. И как он мог надеяться убежать от молодого конвоира в лесу, на болящих ногах по рыхлому снегу и держа в руке корзину не с бутербродами, а с богослужебными книгами? И зачем ему, конвоируемому в тюрьму, была нужна эта ноша?

Очевидно, что священник, способный настолько разумно оценивать жизненные обстоятельства, чтобы помогать людям, приходившим к нему за советом, прекрасно понимал, что предстоявшее заключение может продлиться долго. И возможности возносить молитвы Богу в храме, к чему он так стремился и возвращался при прошлых арестах, не будет. А начиналась Крестопоклонная седмица Великого поста, где-то вдали Страстная седмица, и он подготовил книги, позволявшие продолжить богослужение в заключении. Это была нелегкая ноша, но драгоценная. Отец Михаил, поклонившись по крепкую десницу Божию, отправился с ней в предстоявший ему путь.

«Случайный попутчик» Шулайкин подтвердил показания Рушева. Но предусмотрительно не видел (или сказал, что не видел) расстрела. Он оставался у поворота дороги к просеке, совсем рядом, в 200 шагах от тела отца Михаила.

Значит, неся столь тяжелый груз, для которого на предшествующем участке нанимали подводку, Шулайкин пробежал с ним 3 километра и не отстал от Рушева. Он мог не отстать в единственном случае — если они не бежали.

И почему он не свернул вслед за Рушевым? Причина могла быть единственной: «попутчик» ожидал скорого возвращения конвоира, без отца Михаила естественно. Шулайкин понимал, зачем свернул Рушев с отцом Михаилом с дороги и что тотчас произойдет — они же оба были членами ЧОН.

Очевидно, что свернуть на ближайшую просеку, где отцу Михаилу ничего не было нужно, ему приказал Рушев, выбиравший место расстрела не на виду. Он прямо сказал на следствии, что на пути по дороге стрелять было неудобно. А на просеке очень удобно было его «прикончить», в чем Рушев не мог себе отказать. «В сильном разъярении он не мог удержаться» [ГКУ ЦАНО. Ф. Р-2209. Оп. 3. Год 1921. Ед. хр. 13670. Л. 53]³¹ и убил отца Михаила в упор — без свидетелей и, казалось, без улик. После убийства священника никто не мог рассказать, по какой причине и при каких обстоятельствах Рушев в него стрелял. И бежал ли отец Михаил, и сколько, откуда и куда...

Картина убийства и его сокрытия была восстановлена при профессиональном изучении материалов уголовного дела, предпринятом при решении вопроса о реабилитации священника прокурором группы реабилитации прокуратуры Нижегородской области советником юстиции Е.И. Митрофановым и начальником экспертно-криминалистического центра ГУВД Нижегородской области полковником милиции С.В. Миляевым. В пояснении к подписанной ими справке отмечается, что утверждением уполномоченного Выксунского политбюро Рипина о том, что отец Михаил является вредным элементом, пребывание которого среди крестьянской массы, как противника советской власти, является недопустимым и он должен нести заслуженное наказание, *судьба М.А. Критского была решена*. Все дальнейшее и стало историей осуществления этого «заслуженного наказания».

«Следует иметь в виду, — сообщается в тексте дальше, — что с апреля 1920 г. уездные подразделения ЧК преобразованы в политбюро с переводом личного состава на нелегальное положение. Таким образом сотрудник ЧК Иорданский Николай Александрович становится заведующим Выксунской городской клинической больницы, а Рушев Дмитрий Георгиевич рабочим новомеханического цеха Кулебакского завода.

³¹ Цитата заключения народного суда 2-го участка Выксунского уезда Нижегородского судебного округа от 15 июня 1921 г.

Единственным официальным представителем ЧК, в ранге заместителя начальника милиции, являлся председатель политбюро. 15 марта 1921 г. председателем Выксунского политбюро был назначен врач Иорданский Николай Александрович.

1 апреля 1921 г. о. Михаил (Критский) убит сотрудником политбюро, то есть ЧК, Рушевым одним выстрелом из револьвера в голову с расстояния не более 10 сантиметров от головы³². В момент выстрела левая рука священника была поднята вверх на уровне головы... Пуля прошла в межпальцевом промежутке пятого и четвертого пальцев, вошла в левый висок и застряла в костях правовисочной области.

Рисунок 4. Крест на месте расстрела отца Михаила.

Источник: личный архив иерея Георгия Павловича

ва (в случае обнаружения несомненно подсудные. — Сост.), 5 апреля 1921 г. предъявив следователю револьвер с тремя стреляными гильзами.

После этого 6 апреля 1921 г. врач Иорданский Н.А. (председатель политбюро, то есть руководитель местной ЧК) проводит осмотр трупа М.А. Критского, но не по постановлению следователя, а по мандату Выксунского здравотдела, и обнаруживает третье пулевое ранение — позвоночника с нарушением целостности мозга» [Митрофанов. С. 1].

3 апреля 1921 года оперативной группой в составе народного следователя Кузовлева, доктора Зворыкина Г.И., начальника милиции Плеханова, понятых Коненкина А.М. и Гладышева А.В. в Кулебаках был осмотрен труп Критского М.А. При осмотре на теле о. Михаила Критского обнаружены две раны, на левой руке и голове. О том, что это были все раны, обнаруженные на теле священника, доктор Зворыкин подтвердил и в судебном заседании.

3 апреля 1921 г. Рушеву предъявлено было обвинение в убийстве о. Михаила, и он задержан. После этого члены Кулебакского комитета партии РКП Догадин, Шекалов и Суслов берут Рушева на поруки, и тот из-под стражи освобождается. В период между 3 и 5 апреля 1921 г. сотрудники ЧК провели манипуляции с телом убитого священника и револьвером Руше-

³² Расстояние определено по таблице отображения следов применения огнестрельного оружия [Криминалистическое исследование оружия и следов его применения (практикум). Волгоград: Издание Высшей следственной школы, 1993].

«Появление на трупе между 03 и 06 апреля 1921 года огнестрельного ранения с повреждением позвоночника и спинного мозга подтверждают стремление Рушева избежать уголовной ответственности и подтвердить избранную линию поведения — убийство при попытке бегства» [Митрофанов, Миляев. С. 4].

В обосновании ареста Рушева следователь Кузовлев указал, что священник Критский был убит *не во время бегства, а по произволу* Рушева на близком расстоянии. Этот аргумент был сведен на нет, когда «в судебном заседании участвовавший в качестве защитника заведующий Выксунским политбюро (ЧК) Баллод Карл Мартынович заявил, что считает политбюро ответственным перед Нижгубчека за халатное отношение к своим обязанностям. Согласно показаниям Баллода в суде и последовавшему заключению судей от 09 ноября 1921 г., расстреливая отца Михаила, Рушев исполнял свои служебные обязанности» [Митрофанов. С. 2].

Партийный суд действительно нашел основания для утверждения правомочности убийства конвоиром переданного ему для сопровождения арестованного. Нижегородская ЧК де-факто возвратилась к законам 1918–1919 гг., периода безнаказанного грабежа, разбоя и самосуда. Действия Рушева соответствовали требованиям «Положения о Всероссийской Чрезвычайной комиссии, утвержденного декретом ВЦИК от 17 февраля 1919 г., постановления СНК от 5 сентября 1918 г. "О красном терроре", предоставлявшими право непосредственной расправы для пресечения государственных преступлений, поскольку Критский, по их мнению, представлял собой выявленного врага Советской власти» [ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 55–55 об.]. Версия пресечения побега облегчала применение сего постановления, но в его свете можно было бы обойтись и без нее, как поступали многие конвоиры в первые годы советской власти. Убийство на пути следования вполне допускалось, а применение оружия вплоть до расстрела даже вменялось в необходимость в случае сопротивления аресту или побега конвоированного лица [ГКУ ГАНО № 2. (Арзамас). Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 231. Л. 256]. Поэтому убийство отца Михаила было признано законным исполнением Рушевым своих служебных обязанностей.

Вопрос о том, когда и как расстрел осуществить и как мотивировать, был решен им самостоятельно. Но «поведение Рушева свидетельствовало о том, что версия убийства при попытке к бегству определена им еще до расстрела Критского, а разногласия в показаниях отражают недостаток жизненного и профессионального опыта, недооценку уровня подготовки следователя, а также уверенность в том, что он в любом случае сможет избежать ответственности» [Митрофанов, Миляев. С. 4]. В последнем он не ошибся, так как его ложь была покрыта на суде защитниками убийцы.

Вышеприведенные выводы прокурора и начальника экспертно-криминалистического центра ГУВД, сделанные ими в итоге исследования дела Рушева, доказали, что утверждение о побеге Критского противоречит объективным данным [Митрофанов, Миляев. С. 3]. Благодаря профессиональному анализу материалов стало неоспоримо ясным, что отец Михаил завершил свою жизнь мученической кончиной. Современники без всяких разбирательств и доказательств так ее и воспринимали.

Монахиня Анастасия, ходившая после закрытия Троицкой церкви к службам в село Кузьминки, слышала, как местный священник отец Василий не раз говорил: «Молитесь за отца Михаила — он мученик!» [Анастасия (Кулакова). С. 33].

А можно было бы сказать и так: «Молитесь отцу Михаилу — он мученик!»

Рисунок 5. Могила отца Михаила возле Троицкой церкви.

Источник: личный архив иерея Георгия Павловича

Ко времени завершения судов об участии убийцы тело священника уже покоилось в могиле возле церкви, в которой он прослужил 21 год. Жене разрешили его забрать 6 апреля, в канун Благовещения, пришедшегося на четверг Крестопоклонной седмицы — время, не очень подходящее для работ. Но весна в тот год была ранняя, и крестьяне трудились на полях. Для перевозки нужны были лошадь и телега, в такую пору их было не достать.

Хотели хоронить в Кулебаках: священник убит на этой земле — здесь его хоронить. Но автодеевские отстояли. А как довести?

Но в Кулебаках жил благочестивый человек Михаил Погодин с дочерью. Еще за несколько лет до своей кончины отец Михаил разговорился со своим кулебаковским тезкой и сказал, что тот «повезет его косточки». Погодин смутился: «Да что вы, отец, да я недостойн». Но батюшка несколько раз повторил ему это. Забыть такое было невозможно. Теперь, когда матушка Нина Алексеевна обратилась к Михаилу с просьбой о помощи, он сразу запряг лошадь и поехал — за гробом, за телом священника и в Автодеево.

По всему пути люди выходили и поклоном встречали убиенного, сочувствовали, плакали. Далеко не случайно многие верующие записали тогда в свои синодики первым убиенного иерея Михаила.

Весть о его расстреле уже облетела все деревни и села. И у Кужендеева верующие встретили батюшку с иконами, подняли гроб и на руках понесли в Автодеево [Петрушевская. Л. 13]. Так к Благовещению вернулся отец Михаил в свой храм.

До похорон он лежал в доме, и, несмотря на теплую погоду, не было никаких признаков тления, хотя шла вторая неделя после дня его кончины. Напротив, по всему дому распространилось необыкновенное благоухание. Лежал батюшка как живой, очень красивый. Лицо было открыто. К нему шли прощаться и священнослужители, и миряне.

Монахиня Анастасия (Кулакова) помнила отца Михаила и в 1990-х гг. «Батюшка Михаил был очень добрый и красивый, любил детей, — передавала она свои детские впечатления. — Благословит ребенка и ручку у него поцелует. А мне на Пасху красненькое яичко давал» (возможно, указуя тем, что из окружавших его детей в будущем она одна примет монашеский постриг). Тогда 4-летней девочкой Настя «несколько раз бегала приложиться к мощам³³. Запаха тяжелого не было, но благоухание. Печали не было, а напротив, какая-то радость»³⁴.

Словно священника, завершившего свой крестный путь, Сам Христос встречал словами: «Добрый рабе, благий и верный... вниди в радость Господа твоего» (Мф. 25, 21).

Могилу батюшке прихожане вырыли заранее и выложили склеп. Накануне отпевания гроб перенесли в Троицкий храм Автодеева. Положили отца Михаила в полном священническом облачении. Светлую память в сердцах людей оставил он о себе. И утром собралось столько народа, что даже в церковной ограде было тесно.

По преданию, отпевали отца Михаила 40 архиереев, 40 священников, 40 диаконов и миллион людей. Это, конечно, легендарное преувеличение, но все свидетельствовали, что священнослужителей и народа на похоронах было очень много (а архиерея ни одного) — отца Михаила любили.

Похоронили священника у церковного алтаря с правой стороны. Поставили крест.

К концу похорон приехали представители властей и возмущались тем, что захоронение произвели на таком почетном месте. Но народ даже не допустил их к могиле [Петрушевская. Л. 13].

А могила батюшки во все годы последовавшего лихолетья сохранилась нетронутой. Она очень почиталась верующими как место, куда к нему можно было прибегнуть при скорбях, бедах и даже болезнях. И — получить помощь!

В Троицкой церкви Автодеева служение Богу продолжалось еще 15 лет. Весной 1935 г. власти сняли с нее колокола, а в 1936 г. храм был закрыт окончательно. В 1942 г. по решению Ардатовского райисполкома он был разорен и отдан под склад.

На месте расстрела отца Михаила поставили деревянный крест. Его сохранность проверял и за ним долгое время присматривал житель села Пушлей Петр Глухов, затем его сын Иван Петрович Глухов. К 1998 г. крест истлел и был заменен на новый. Поставил его на то же самое место Геннадий Викторович Пяткин, вскоре погибший в автокатастрофе³⁵.

***

Как и вся русская Церковь, в 1990-х годах после полувекового осквернения и запустения стал возрождаться и автодеевский Троицкий храм. Тогда верующие, приехавшие из разных городов и сел восстанавливать Дивеево, отремонтировали и его. Автодеевцы помогали. 7 сентября 1992 г. приход церкви пополнился сестрами монашеской общины открытого здесь Никольского скита Дивеевского монастыря.

³³ Термин монахини Анастасии.

³⁴ Записано монахиней Синклитикией (Кривцовой).

³⁵ Из письма жительницы села Пушлей Бударagiной Валентины Дмитриевны, присланного Аксеновой Нине Гавриловне.

Скитоначальница монахиня Феофания (Удальцова) вспоминала: «Когда стали восстанавливать Троицкую церковь, в алтаре нашли простреленные черепа и кости. Матушка игуменья Сергия (Конкова) благословила кости и черепа захоронить в могиле отца Михаила Критского. Когда могилу раскопали, увидели склеп из старинного красного кирпича. Рабочий Сашка Гоголь неожиданно стукнул чем-то (молотком или кувалдой) по склепу. Вывалился кусок кирпича на уровне груди отца Михаила. Я Сашку прогнала. Дырку закрыли камнем. На склеп отца Михаила поставили гроб с останками и могилу закопали». Так в могиле отца Михаила нашли место упокоения безымянные жертвы богоборческого террора. Она стала святыней скита, а сам батюшка Михаил — его небесным покровителем.

В 2002 г. монахинями автодеевского Свято-Никольского скита был обновлен крест на месте убиения отца Михаила.

24 марта 2003 г. прокурором Нижегородской области было сформулировано заключение в отношении Критского М.А. по материалам архивного уголовного дела, согласно которому «...анализ материалов уголовного дела по обвинению Рушева в убийстве священника Критского свидетельствует о необъективности предварительного расследования, направленной на избежание уголовной ответственности Рушевым за содеянное. <...>

Предварительным следствием и судом не устранены противоречия в показаниях Рушева... что свидетельствует об умышленном сокрытии истины.

Материалы дела бесспорно свидетельствуют об убийстве по политическим причинам.

В соответствии с пунктом «а» статьи 5 закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. антисоветская агитация и пропаганда признаются не содержащими общественной опасности, независимо от фактической обоснованности обвинения, и не являются уголовно наказуемыми.

На Критского М.А., 17 ноября 1879 г. р., уроженца села Поляны-Мисюриха Арзамасского уезда Нижегородской губернии, распространяется действие статей 3, 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г., и он *подлежит реабилитации* [ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 2. Д. № 16].

Во исполнение вышеприведенного заключения того же 24 марта 2003 г. прокуратурой Нижегородской области была оформлена справка № 13/165-03, согласно которой прокурором Нижегородской области Критский Михаил Алексеевич был реабилитирован.

Так был снят покров клеветы, уничивавшей священника, скрывавшей его мученическую кончину — но не от Всеведущего Бога. «...а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный» (2 Тим. 4, 8).

Послесловие

Семья отца Михаила прожила в Автодееве еще 10 лет и окончательно покинула родное село в 1931 г. Сыновья уехали первыми. Ко времени гибели отца Сергей и Дмитрий учились в Ардатовской гимназии, им было 15 и 14 лет. Продолжать учебу они не могли. Для поступления в учебные заведения необходимо было заполнить анкету, в которой пришлось бы писать, что отец их священник и был расстрелян. Сергей устроился в Хрипуновский волостной исполком писарем. Только в 1924 г. он смог зарегистрировать смерть отца с отметкой, что причина смерти неизвестна³⁶. Тогда братья и уехали. Они поступили во 2-й Московский государственный университет и, окончив его, получили дипломы учителей средней школы. Преподавали русский язык и литературу. Пользовались большим авторитетом и любовью своих учеников.

Дочь Зинаида была моложе братьев на два года и училась в сельской школе. Она осталась с матерью в Автодееве. Здесь у Нины Алексеевны были давние добрые знакомые, неподалеку жили родные сестры. В летние каникулы возвращались в отеческий дом и сыновья, помогали матери. Семья жила своим хозяйством: сажали рожь, овес, картошку, держали корову и овец.

Матушка Нина Алексеевна любила Автодеево. Здесь была прожита большая часть ее жизни, здесь у алтаря церковного покоился ее муж... Но в 1931 г. собралась уезжать и она: шла коллективизация, не по силам становилось платить продналог, тяжело было читать газетные пасквили даже в том случае, когда они касались не ее самой, а родственников или друзей.

Письмо за письмом писала она Дмитрию, делясь переживаниями, колебаниями настроения и тревогами:

«Знаю рассудком, что рано или поздно этого не избежать... мне все равно не жить. Но сердцем очень и очень трудно <...>

Я собираюсь ехать к Сереже... Как поступлю, не знаю. Настроение плохое, какая-то раздвоенность. Или мне никуда не ездить, съездить погостить в Москву и домой. <...>

Иногда думаю, что все распродать и дожить год одной... но встают такие мысли, что, если Зина уедет, на меня положат 40 пудов хлеба...

Тяжело мне еще потому, что сердце больше всего болит о Зине, как она и куда... На меня иногда нападают думы, не рано ли мы бросили дом... Мысли иногда путаются из-за разных дум... а главное для меня Зина <...>.

Я собралась ехать к Сереже, почти собралась. И скоро, наверное, выеду, недели через две. Поеду посмотрю, а если плохо будет, опять приеду домой. Очень мне только трудно расставаться с Зиной, домом и коровой было»³⁷.

Нине Алексеевне все же пришлось сворачивать хозяйство и перебираться к сыновьям. Завершив дела, она уехала к Сергею в Барнаул, затем с ним в Новосибирск. Зинаида продала дом и вслед за мамой уехала из Автодеева навсегда. Когда она устроилась, матушка переехала к любимой дочери в Томилино Московской области. Нина Алексеевна жила с Зиной, разделяя с ней все трудности военных и послевоенных лет. Вместе с дочерью она находилась в эвакуации в с. Стасово, затем жила с ее семьей в с. Починки Горьковской области, потом в г. Каунасе Литовской ССР, затем в с. Козлово Завидовского района Калининской области. Здесь они и остались до конца своих дней. Скончалась Нина Алексеевна 23 марта 1950 г.

³⁶ Справка Хрипуновского ВИК № 66 от 21 марта 1924 г.

³⁷ Письма сыну Дмитрию от 24 сент., 30 окт., 24 нояб., б.д. 1931 г.

Литература

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1994.

Анастасия (Кулакова Анастасия Николаевна), мон. Воспоминания об иерее Михаиле Критском, его прозорливости и чудесной молитвенной помощи. Архив Автодеевского скита.

Ардатовский край: настоящее и будущее. Нижний Новгород, 2000.

Большая русская биографическая энциклопедия. М., 2008.

Георгий Павлович, иерей. Серафимо-Дивеевский монастырь в XX веке. Саров: Интерконтакт, 2017.

ГКУ ГАНО № 2. Ф. Р-25. Оп.1. Год 1919. Д. 102.

ГКУ ГАНО № 2. Ф. Р-92. Оп. 1. Ед. хр. 228.

ГКУ ГОПАНО Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 115.

ГКУ ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 2161.

ГКУ ГОПАНО. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 12.

ГКУ ГОПАНО. Ф. 2076. Оп. 1. Ед. хр. 33.

ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Год 1919. Д. 111.

ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 104.

ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 111.

ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 111. Д. 595.

ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 112.

ГКУ ГОПАНО. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 75.

ГКУ ГОПАНО. Ф. 40. Оп. 6. Ед. хр. 7.

ГКУ ЦАНО Ф. 1025. Оп. 2271. Год 1910. Д. 1.

ГКУ ЦАНО. Архивная справка от 31.03.2003 № 227/01-16.

ГКУ ЦАНО. Ф. 1016. Оп. 2. Год 1911. Ед. хр. 58.

ГКУ ЦАНО. Ф. 1025. Оп. 2271. Год 1910. Ед. хр. 1.

ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 2. Ед. хр. 16.

ГКУ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 2ф. Год 1921.

ГКУ ЦАНО. Ф. 1824. Оп. 1. Ед. хр. 6.

ГКУ ЦАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Год 1921. Ед. хр. 13670.

ГКУ ЦАНО. Ф. 332. Оп. 1. Годы 1912–1913. Ед. хр. 205.

ГКУ ЦАНО. Ф. 569. Оп. 1779-а. Год 1904. Ед. хр. 3.

ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. 1881–1890 годы. Ед. хр. 1846.

ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. 1901–1910 годы. Ед. хр. 3.

- ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Год 1903. Ед. хр. 3.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Годы 1891 – 1900. Ед. хр. 1847.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3. Год 1869. Ед. хр. 338.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 556. Ед. хр. 1. Год 1806.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Год 1848. Ед. хр. 257.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Год 1869. Ед. хр. 194.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 558. Год 1860. Ед. хр. 228.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 558. Год 1869. Ед. хр. 175.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1871. Ед. хр. 15.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1872. Ед. хр. 94.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1886. Ед. хр. 71.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1889. Ед. хр. 4.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1890. Ед. хр. 43.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1890. Ед. хр. 46.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1890. Ед. хр. 82.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1892. Ед. хр. 144.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1893. Ед. хр. 212.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1893. Ед. хр. 218.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1895. Ед. хр. 11.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1895. Ед. хр. 112.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1901. Ед. хр. 95.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1902. Ед. хр. 78.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1905. Ед. хр. 63.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1905. Ед. хр. 63.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1906. Ед. хр. 106.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1906. Ед. хр. 12.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1906. Ед. хр. 27.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1907. Ед. хр. 2.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1907. Ед. хр. 62.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1907. Ед. хр. 78.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1908. Ед. хр. 57.
ГКУ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Год 1911. Ед. хр. 12.
ГКУ ЦАНО. Ф. 918. Оп. 1. Ед. хр. 762.
ГКУ ЦАНО. Ф. 918. Оп. 1. Ед. хр. 861.

ГКУ ЦАНО. Ф. Р-1016. Оп. 2. Год 1902. Ед. хр. 58.

ГКУ ЦАНО. Ф. Р-105. Оп. 2. Ед. хр. 60.

ГКУ ЦАНО. Ф. Р-2209. Оп. 3. Год 1921. Ед. хр. 13670.

Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (ГКУ ГАНО, г. Арзамас). Ф. 1718. Оп. 1. Ед. хр. 7.

Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГКУ ГОПАНО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 111.

Давыдов А.В. Записи того немногого, что осталось у меня в памяти о нашей жизни в Кулеватове после октября 1917 года. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2013.

Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Кн. VII. М., 1918.

Евдоким [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/187055.html> (дата обращения: 15.11.2020).

Ковалева И.И. Проект жития священномученика Михаила Критского. Машинопись. Архив Автодеевского скита.

Конфессиональная политика Советского государства 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1. Кн. 2 / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

Краткая историческая справка о церкви Живоначальной Троицы, Троицком источнике в с. Автодеево Ардатовского района Нижегородской области.

Криминалистическое исследование оружия и следов его применения (практикум). Волгоград: Издание Высшей следственной школы, 1993.

Леушин А.Н. Священник – душа народа. Страницы семейной истории XIX–XX веков. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского института экономического развития, 2001.

Материалы для истории церквей Нижегородской епархии. Вып. 1. Арзамасской десятины жилье данные церкви и пустовые земли 7136 (1628) – 1746 гг. Москва, 1902.

Миловский И., свящ. Дневник. Машинопись. Архив Автодеевского скита.

Митрофанов Е.И. Пояснение к Заключению от 05.12.2003 года по факту убийства священника Критского Михаила Алексеевича 01 апреля 1921 года сотрудником Ардатовского политбюро Рушевым. Прокуратура Нижегородской области. Заключение № 13/19-03.

Митрофанов Е.И., Миляев С.В. Справка по материалам исследования архивного уголовного дела по обвинению Рушева Д.Г.

Нижегородские епархиальные ведомости. 1902. № 12.

Нижегородские епархиальные ведомости. 1900. № 13.

Нижегородские епархиальные ведомости. 1900. № 20.

Нижегородские епархиальные ведомости. 1905. № 15.

Нижегородский епархиальный вестник. 1905. № 5.

Нижегородский сборник здравоохранения. 1927. № 5. Сентябрь.

Нижегородский церковно-епархиальный вестник. 1907. № 47.

Нижегородский церковно-епархиальный вестник. 1908. № 41.

Нижегородский церковно-общественный вестник. 1896. № 13.

Нижегородский церковно-общественный вестник. 1906. № 12.

Нижегородский церковно-общественный вестник. 1910. № 35.

Нижегородский церковно-общественный вестник. 1916. № 20.

Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 30.

Никольский скит Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря. Машинопись. Архив Автодеевского скита.

Пестов М.И. Описание Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Нижний Новгород: Тип. Нижегородского губернского правления, 1869.

Петрушевская М.Г. Автодеево. Документальная повесть. Машинопись.

Писарев А. Г.И. Зворыкин (некролог) // Нижегородский сборник здравоохранения. 1925. № 2. С. 98.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37976. Оп. 1. Д. 14–302 пур.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37976. Оп. 1. Год 1967. Д. 14–302 пур.

Смутное время Московского государства 1604–1613 гг. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей Российских при Моск. университете. М.: Имп. о-во истории и древностей Рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. Вып 4: Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / собр. и сост. С.В. Веселовский. – 1915. – XVI. – 738 с.

Спасский А.Н. Краткий географическо-статистический очерк Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Т. 2. 1869.

Тихон (Затекин), архим. Священномученик Лаврентий, епископ Балахнинский. Жизнеописание. Н. Новгород: Изд. отд. Нижегородской епархии при Вознесенском Печерском монастыре, 2012.

Центральный архив Нижегородской области (ГКУ ЦАНО). Ф. 1016. Оп. 2. Ед. хр. 1.

References

Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence on the canonical succession of the highest church authority. 1917–1943. Moscow, Publishing house of the Orthodox St. Tikhon's Theological Institute, 1994.

Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church 1917–1918. Book 7. Moscow, 1918.

Anastasia (Kulakova Anastasia Nikolaevna), nun. Memories of Priest Michael of Kritskiy, his sagacity and wonderful prayer help. Archive of the Avtodeevsky skete.

Ardatov region: present and future. Nizhny Novgorod, 2000.

Big Russian Biographical Encyclopedia. Moscow, 2008.

Brief historical information about the Church of the Life-assisted Trinity, Trinity source in the village. Avtodeevo, Ardatovsky district, Nizhny Novgorod region.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. R-2209. Op. 3. 1921. Unit 13670.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. Archival information dated 03.31.20003 No. 227/01-16.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 1016. Op. 2. 1911. Unit 58.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 1016. Op. 2. Unit 1.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 1025. Op. 2271. 1910. Unit 1.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 1025. Op. 2271. 1910. Unit 1.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 1099. Op. 2. 1921.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 1099. Op. 2. Unit 16.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 1824. Op. 1. Unit 6.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 2209. Op. 3. 1921. Unit 13670.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 332. Op. 1. 1912–1913. Unit 205.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 569. Op. 1779-a. 1904. Unit 3.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 10. 1881–1890. Unit 1846.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 10. 1901–1910. Unit 3.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 10. 1903. Unit 3.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 10. 1891–1900. Unit 1847.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 3. 1869. Unit 338.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 556. 1806. Unit 1.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 557. 1848. Unit 257.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 557. 1869. Unit 194.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 558. 1860. Unit 228.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 558. 1869. Unit 175.

Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1871. Unit 15.

- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1872. Unit 94.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1886. Unit 71.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1889. Unit 4.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1890. Unit 43.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1890. Unit 46.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1890. Unit 82.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1892. Unit 144.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1893. Unit 212.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1893. Unit 218.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1895. Unit 11.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1895. Unit 112.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1901. Unit 95.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1902. Unit 78.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1905. Unit 63.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1905. Unit 63.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1906. Unit 106.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1906. Unit 12.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1906. Unit 27.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1907. Unit 2.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1907. Unit 62.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1907. Unit 78.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1908. Unit 57.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1911. Unit 12.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 918. Op. 1. Unit 762.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 918. Op. 1. Unit 861.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. R-1016. Op. 2. 1902. Unit 58.
- Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. R-105. Op. 2. Unit 60.
- Confessional policy of the Soviet state in 1917–1991: Documents and materials: in 6 volumes. Vol. 1. Book 2. Moscow, Political Encyclopedia, 2018.
- Davydov A.V.* Records of the little that remained in my memory about our life in Kulevatov after October 1917. Moscow, State Public Historical Library of Russia, 2013.
- Evdokim.* URL: <http://www.pravenc.ru/text/187055.html> (date accessed: 15.11.2020).
- Forensic research of weapons and traces of their use (workshop). Volgograd: Edition of the Higher Investigative School, 1993.
- G. *Pisarev Zvorykin* (obituary). Nizhny Novgorod collection of health care, 1925, no. 2, p. 98.

Georgy Pavlovich, priest. Seraphim-Diveevsky Monastery in the 20th century. Sarov, Interkontakt, 2017.

Kovaleva Project of the Life of the Hieromartyr Michael of Kritskiy. Typescript. Archive of the Avtodeevsky skete.

Leushin A.N. The priest is the soul of the people. Pages of family history of the 19th–20th centuries. Nizhny Novgorod: Publishing house of the Nizhny Novgorod Institute of Economic Development, 2001.

Materials for the history of the churches of the Nizhny Novgorod diocese. Issue 1. Arzamas tithes residential data of the church and empty lands 7136 (1628)–1746. Moscow, 1902.

Milovsky I., priest. A diary. Typescript. Archive of the Avtodeevsky skete.

Mitrofanov E.I. Clarification to the Conclusion of 05.12.2003 on the murder of the priest of Kritskiy Mikhail Alekseevich on 01 April 1921 by an employee of the Ardatov Politburo Rushev. Prosecutor's Office of the Nizhny Novgorod Region. Conclusion No. 13/19-03.

Mitrofanov E.I., Milyaev S.V. Information on the materials of the study of the archival criminal case on the charge of D.G. Rushev.

Nikolsky skete of the Holy Trinity Seraphim-Diveevsky monastery. Typescript. Archive of the Avtodeevsky skete.

Nizhny Novgorod church and public bulletin. 1896. No. 13.

Nizhny Novgorod church and public bulletin. 1906. No. 12.

Nizhny Novgorod church and public bulletin. 1910. No. 35.

Nizhny Novgorod church and public bulletin. 1916. No. 20.

Nizhny Novgorod church and public bulletin. 1917. No. 30.

Nizhny Novgorod Church Diocesan Bulletin. 1907. No. 47.

Nizhny Novgorod Church Diocesan Bulletin. 1908. No. 41.

Nizhny Novgorod collection of health care. 1927. No. 5. September.

Nizhny Novgorod Diocesan Bulletin. 1905. No. 5.

Nizhny Novgorod Diocesan Gazette. 1900. No. 13.

Nizhny Novgorod Diocesan Gazette. 1900. No. 20.

Nizhny Novgorod Diocesan Gazette. 1902. No. 12.

Nizhny Novgorod Diocesan Gazette. 1905. No. 15.

Pestov M.I. Description of the Ardatovsky district of the Nizhny Novgorod province. Nizhny Novgorod: Type. Nizhny Novgorod provincial government, 1869.

Petrushevskaya M.G. Avtodeevo. A documentary story. Typescript.

Russian State Historical Archive. F. 37976. Op. 1. 1967. Unit 14–302.

Russian State Military Archive. F. 37976. Op. 1. Unit 14-302.

Spassky A.N. A brief geographical and statistical sketch of the Ardatovsky district of the Nizhny Novgorod province, 1869, vol. 2.

State Archives of the Nizhny Novgorod Region, Arzamas. F. 1718. Op. 1. Unit xp. 7.

- State Archives of the Nizhny Novgorod Region, Arzamas. No. 2. F. R-25. Op. 1. 1919. Unit 102.
- State Archives of the Nizhny Novgorod Region, Arzamas. No. 2. F. R-92. Op. 1. Unit 228.
- State Social and Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 25. Op. 1. Unit 115.
- State Social and Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 1. Op. 1. Unit 2161.
- State Social and Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 13. Op. 1. Unit 12.
- State Social and Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 2076. Op. 1. Unit 33.
- State Social and Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 25. Op. 1. 1919. Unit 111.
- State Social and Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 25. Op. 1. Unit 104.
- State Social and Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 25. Op. 1. Unit 111.
- State Social and Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 25. Op. 1. Unit 111. File 595.
- State Social and Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 25. Op. 1. Unit 112.
- State Social and Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 25. Op. 1. Unit 75.
- State Social and Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 40. Op. 6. Unit 7.
- State Social and Political Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 25. Op. 1. Unit 111.
- The Time of Troubles of the Moscow State 1604-1613 Materials published by the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow. university. M. : Imp. about-in history and antiquities Ros. at Moscow. un-those, 1910-1918. Issue 4: Arzamas local acts (1578–1618). 1915, vol. 16, 738 p.
- Tikhon (Zatekin), archimandrite.* Hieromartyr Lawrence, Bishop of Balakhna. Biography. N. Novgorod, 2012.